

Д Ж О Н А Т А Н К О У

Джонатан Коу изучает послевоенную историю Британии глазами бирмингемского клана в своем новом, очень теплом и пронзительном романе, дополняя масштабное полотно, которое читателю открывают “Клуб ракалий”, “Круг замкнулся” и “Срединная Англия”. **THE GUARDIAN**

CELEBRATE OVER 10
DELICIOUSLY PKE

18+

ph

Джонатан Коу Борнвилл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69457894

Борнвилл: Фантом Пресс; Москва; 2023

ISBN 978-5-86471-932-9

Аннотация

Новая книга Джонатана Коу – это многочастный роман-сюита, где каждая часть – событие британской истории XX–XXI века, среди них – окончание Второй мировой войны, финал чемпионата мира 1966 года, свадьба принца Чарлза и Дианы, гибель принцессы Дианы, пандемия... В этой исторической призме преломляются судьбы Борнвилла, шоколадной столицы Соединенного Королевства, и семьи, жившей там в разное время. От событий незаметных частных жизней с их мелочами, одновременно и мимолетными, и повторяющимися, от ситуативных решений обычных британцев до общенациональных потрясений и эмоций – все есть в этом невероятно вместительном романе. Следуя за героями из поколения в поколение, на протяжении семидесяти пяти лет, Коу прослеживает изменения, которые претерпевает и в целом Британия, и частная жизнь британцев. Коу ведет своих героев через ностальгию по военному времени, через чувство английской исключительности, слабеющее с каждым десятилетием, через личные секреты и национальные мифы

– его герои дрейфуют в потоке истории, романа, сбитые с толку, растерянные, но и воодушевленные. Роман Коу полон добродушного юмора, печали, надежды и, безусловно, честной мудрости. Это попытка ответить на вопрос, куда устремляется британская нация и как именно она выбрала эту дорогу.

Содержание

Пролог	6
Событие первое	36
1	36
2	40
3	60
4	67
5	75
Событие второе	85
1	85
2	90
3	102
4	110
5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Джонатан Коу Борнвилл

Грэму Кейвни

BOURNVILLE. A NOVEL IN SEVEN OCCASIONS by
JONATHAN COE

Copyright © 2022 by Jonathan Coe

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Felicity Bryan Associates Ltd и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Шаши Мартынова, перевод, 2023

© “Фантом Пресс”, издание, 2023

Пролог

Март 2020 года

В зале прилета Венского аэропорта было так малоллюдно, что Лорна без труда углядела ее, хоть они и не встречались. У нее были короткие каштановые волосы, мальчишеская фигура и карие глаза – они засияли, когда Лорна выглянула из-за своего исполинского футляра с инструментом и уточнила:

– Сузанне, верно?

– Здравствуйте, – нараспев ответила Сузанне, а затем, после минутного колебания, радушно притянула Лорну в объятия. – Нам же все еще можно так, правда?

– Конечно, можно.

– Я так рада, что вы наконец здесь.

– Я тоже, – машинально отозвалась Лорна. Но не соврала.

– Долетели хорошо?

– Вполне. На рейсе не битком.

– У меня машина. – С внезапной настороженностью Сузанне оглядела глянцевиый черный футляр с Лорниным контрабасом и добавила: – Надеюсь, достаточно вместительная.

Снаружи было так холодно, что, казалось, может пойти снег, а вокруг уличных фонарей лучились в ночном воздухе разреженные янтарные ореолы. По пути к парковке Сузан-

не задала еще какие-то вопросы о перелете (а температуру в аэропорту проверяли у вас?), спросила Лорну, не голодна ли та (не голодна), и объяснила то-се о расписании на ближайшие несколько дней. Лорна и Марк поселятся в одной гостинице, но он летит из Эдинбурга и до завтрашнего утра в Вене не появится. Их концерт начнется примерно в девять вечера, а на следующий день они на поезде отправятся в Мюнхен.

– Я не смогу поехать с вами на концерты в Германию, – сказала она. – Как бы ни хотелось. У лейбла нет бюджета мне на поездку. Все почти что на голом энтузиазме. Поэтому же вас встречают на этом вот, а не на длинном лимузине.

Она имела в виду свой автомобиль, десятилетний “вольво-эстейт”, весь в царапинах и вмятинах, и уверенности он Лорне не внушил. Тем не менее для поставленной задачи машина действительно казалась вместительной.

– Сгодится, – сказала Лорна, но, оглядев машину изнутри, обнаружила неожиданную загроможденность. На заднем сиденье размещалось детское кресло, окруженное всячиной, выдающей того, для кого главное – забота о ребенке: влажные салфетки, пищевые обертки, пластиковые игрушки, соски, и все же сильнее тревожило то, что на оставшемся квадратном дюйме громоздились рулоны туалетной бумаги в пластиковых обертках, по девять штук. Упаковок двадцать примерно.

– Прошу прощения, – сказала Сузанне. – Давайте я... Так, давайте сообразим, как быть.

Сперва попытались запихнуть контрабас в машину через

дверцу багажника, но тут же уперлись в непробиваемую стену рулонов туалетной бумаги. Лорна извлекла упаковок девять или десять и выложила их на бетонный пол, но протолкнуть гриф инструмента через оставшуюся на заднем сиденье туалетную бумагу все равно не удалось. Тогда они убрали с сиденья верхний слой рулонов, сложили их стопкой по одной стороне салона – контрабас им обеим удалось втиснуть поглубже внутрь, дальше детского кресла, и в итоге головка грифа почти касалась лобового стекла, а дверца багажника закрылась едва-едва. Впрочем, попытка засунуть обратно в салон всю изъятую туалетную бумагу успехом не увенчалась.

– Может, если вынуть инструмент из футляра, – произнесла Сузанне, – и сложить туда туалетную бумагу... Нет, вряд ли поможет.

В конце концов задача решилась, когда Лорна, притиснутая щекой к контрабасному грифу, устроилась на пассажирском сиденье, а Сузанне сложила упаковок восемь или девять туалетной бумаги Лорне на колени – получилась башня до потолка салона.

– Вам уютно? – спросила она, тревожась за Лорну, ведя машину по чуть ли не пустым дорогам к центру Вены.

– Очень, – ответила Лорна. – Они же как подушка безопасности. Если мы во что-нибудь врежемся, они, возможно, спасут мне жизнь.

– По-моему, вам не очень-то удобно. Извините меня, пожалуйста.

– Не волнуйтесь, все в порядке. – Помолчав, она спросила: – Слушайте, вопрос вроде как... напрашивается сам: зачем вы купили столько сортирной бумаги?

Сузанне бросила на нее удивленный взгляд, словно ответ был очевиден.

– Решила заpastись. В смысле, может, немножко переусердствовала, но все же... лучше перебдеть, а? – Они проехали еще несколько светофоров. Но Сузанне видела, что Лорна ее объяснений не поняла. – Из-за вируса, ну? – добавила она, чтобы развеять последние сомнения.

– Думаете, все так уж серьезно?

– Кто знает? Но да, мне так кажется. Вы видели записи из Уханя? И по всей Италии уже локдаун.

– Да, я слышала, – сказала Лорна. – Здесь ничего подобного не устроят, правда? То есть концерт завтра точно не отменится?

– Ой, это вряд ли. Все билеты уже распроданы, кстати. Зал не громадный, человек на двести, но для джаза в наше время это неплохо. И какой-то журналист хочет завтра утром с вами пообщаться – для музыкального сайта. Интерес, то есть, живой. Все пройдет гладко, не беспокойтесь.

Лорна позволила себе выразить лицом некоторое облегчение. Эти гастроли – большое дело для нее. Впервые они с Марком вывезли свое живое выступление из Британии; впервые кто-то оплатил больше одного концерта подряд; впервые за год с лишним она что-то зарабатывает музыкой.

Днем Лорна была одной из четырех женщин, работавших в приемной пятнадцатипятиэтажного офисного здания в центре Бирмингема. Ее коллеги смутно представляли себе, что на досуге Лорна музицирует, но изумились бы, если б узнали о происходящем: кто-то платит Лорне, чтобы она приехала в Австрию и Германию, ей бронируют гостиницы – и журналист, подумать только (пусть и с интернет-сайта), желает взять у нее интервью. Долгие недели Лорна ждала этого турне, жила ради него. Если этот диковинный вирусняк сорвет всеобщие планы, велико будет ее разочарование.

Сузанне доставила ее в гостиницу и пообещала заехать утром, сразу после завтрака. Гостиница оказалась скромной, от центра далековато. Номера крохотные, но Лорна была признательна просто за то, что она здесь. Полчаса, а то и больше пролежала она в раздумьях на кровати. Интересно, кому могло прийти в голову оборудовать такую маленькую комнату лампой дневного света, которую нельзя пригасить. Интересно, почему она решила играть на инструменте, который занимает в комнате больше места, чем сама Лорна, и чуть не застрял в лифте. Но интереснее всего другое: с чего реагировать на всемирное распространение вируса покупкой почти двухсот рулонов туалетной бумаги. Действительно ли это жутчайший страх человеческий – из-за чудовищного экономического кризиса, или из-за кризиса здравоохранения, или на грани климатической катастрофы однажды не иметь возможности подтереться?

Она глянула на часы. Полдесятого. Полдевятого в Бирмингеме. Самое время позвонить домой. Под “домом” она понимала Британию, но звонить своему мужу Донни, как раз сейчас тусовавшемуся с друзьями, не собиралась. Не хотелось звонить и родителям, уехавшим в отпуск: они воспользовались неожиданным (и нежеланным) увеличением своего свободного времени – Британия наконец покинула Евро-союз и все британские члены Европарламента остались без работы. Нет, ее звонка ждет бабуля. Лорна пообещала набрать ей по скайпу, как только приземлится в Вене. Бабуля, для которой любой перелет сулил потенциальную катастрофу, неминуемое крушение самолета, сидит дома в смутной тревоге, пока Лорна не позвонит и не скажет, что возвратилась на *terra firma*¹.

Лорна села на кровати, открыла ноутбук – дешевое приобретение, сделанное у сомнительного торговца электроникой на той же улице, где она жила, и пока служившее ей верой и правдой. Никакого стола или тумбочки в номере не было, и Лорна положила подушку себе на колени, пристроила компьютер поверх, после чего щелкнула по бабушкиному имени в скайпе. Как обычно, ответа не последовало. Его не бывало никогда. И чего она все пытается пробиться к бабуле по скайпу? Сперва надо позвонить по городскому номеру. Городской телефон и письмо, на них бабуля полагалась, а вот современным способам общения не доверяла. Планшет

---

¹ Твердая почва (*лат.*).

у нее завелся шесть лет назад – подарок на восьмидесятилетие, – но как им пользоваться, она толком не разобралась. Нужно было позвонить ей по городскому телефону, звоня при этом и в скайп, и сопровождать голосом весь процесс. И так каждый раз.

Долго ли, коротко ли, покончив со всей этой суетой, у себя на экране ноутбука Лорна увидела привычную картинку: верхнюю часть бабулиного лба.

– Можешь под другим углом держать? – спросила она. – К себе наклони.

Картинка судорожно заметалась и накренилась не в ту сторону. Теперь Лорне открывался вид на бабулину шевелюру – как всегда, химически завитую и осветленную.

– Так лучше?

– Да не очень.

– Я тебя хорошо вижу.

– Это потому что у меня камера правильно нацелена. Неважно, ба, это неважно.

– Я тебя вижу.

– Это хорошо.

– Поговорить все равно можно.

– Ага, можно.

– Где ты?

– В гостинице.

– В Венеции?

– В Вене.

– Точно. На вид очень мило.

– Ага, уютненько.

– Как долетела?

– Хорошо.

– Без проблем?

– Без проблем. Как ты, ба?

– В порядке. Только что новости смотрела.

– Да?

– Вообще-то немного тревожно. Сплошь вирус то, вирус се.

– Еще бы. Тут о нем тоже говорят. У женщины, которая меня забирала из аэропорта, в машине было рулонов двести сортирной бумаги.

– Двести чего?

– Рулонов сортирной бумаги.

– Что за вздор.

– Ты бы, может, тоже купила про запас.

– Зачем это?

– Или пару-другую банок фасоли или супа – тоже про запас.

– Глупости. Люди с ума посходили. Да и покупает мне все обычно Джек – или Мартин. Принесут что попрошу.

– Наверное. Просто... никто, похоже, не понимает, что произойдет.

– Думаешь, к нам сюда доберется? Вирус.

– В Италии уже есть.

– Я видела. Всем велено сидеть по домам. Будет как чума, да? Как Черная смерть и прочий сыр-бор.

Лорна улыбнулась. Одно из бабулиных излюбленных выражений. Она все время употребляла его не задумываясь. Только она могла назвать Черную смерть “сыр-бором”.

– Ты побереги себя, вот и все, – сказала Лорна. – Сиди дома и береги себя.

– Не волнуйся, – отозвалась бабуля. – Я никуда не собираюсь.

* * *

Первые два утренних часа на завтра прошли в кафе рядом с гостиницей, где Лорна завтракала, давала интервью, а затем пила кофе с Сузанне. Интервью вышло напряженным, опыта разговоров с журналистами у нее не было. Собеседник оказался жизнерадостным хипстером слегка за тридцать, говорившим на безупречном английском; казалось, он хотел расспросить ее не столько о гармониях и блуждающем бэсе, сколько о Брекзите и Борисе Джонсоне. Когда в конце концов удалось подвести разговор к музыкальной теме, Лорна в итоге рассуждала преимущественно о других членах своей семьи: о дяде Питере, игравшем на скрипке в симфоническом оркестре Би-би-си, а затем вдруг ни с того ни с сего о бабуле.

– Музыкальность у меня, кажется, от нее, – сказала Лор-

на. – От моей бабушки, Мэри Агнетт. Она замечательная пианистка. Могла бы даже выступать с концертами. Но стала домохозяйкой и матерью и играет “Иерусалим” раз в неделю на собраниях местного ЖИ².

Затем пришлось некоторое время объяснять, что такое ЖИ, и к концу этого объяснения Лорна почти не сомневалась, что то, к чему она вела, уже забылось. Какая жалость, что Марка здесь нет. У него подобного опыта гораздо больше, вечно он так потешен, так непочтителен, что все получается куда бодрее.

Но Марк доехал до гостиницы только в полвторого, после чего они с Лорной тут же отправились искать, где бы подкрепиться. Большинство ресторанов в округе оказались невыразительными забегаловками фаст-фуда. Они прошагали минут десять, пока не обнаружили нечто потрадиционнее: сумрачный интерьер с оплывавшими свечами, тяжелые дубовые столы и меню без перевода. Недели спустя Лорне предстояло вспомнить дух того дня – и в ресторане, и вообще в городе – как странный, тревожный: царило напряжение, словно до людей постепенно доходило, что некая перемена,

---

² “Иерусалим” (“На этот горный склон крутой”, пер. С. Маршака) – стихотворение Уильяма Блейка из предисловия к его эпической поэме “Милтон” (1804); в 1916 г. его положил на музыку композитор Хьюберт Пэрри, стихотворение обрело известность как гимн “Иерусалим” и стало неофициальным гимном Англии. Женский институт (*The Women’s Institute*, осн. 1897) – система общинных женских организаций-клубов в Великобритании, Канаде, ЮАР и Новой Зеландии.

некое незримое и неотвратимое событие того и гляди выбьет из колеи их обыденную жизнь, непонятно как – и к этому никак не подготовиться. Сдержанную настороженность трудно было облечь в слова, но она ощущалась.

Лорна заказала салат и тоник, Марк – мощный открытый сэндвич и два лагера. Лорну Марков рацион беспокоил нешуточно.

– Не смотри так осуждающе, – сказал он ей. – Мне надо питаться, чтобы поддерживать силы. И в Шотландии, между прочим, холодно. Нужно много телесного жира.

Она принялась рассказывать об интервью.

– Он пожелал узнать, как мы познакомились.

Марк задумался, вилка замерла на полпути ко рту.

– Как мы познакомились, я не помню, – проговорил он.

– Помнишь-помнишь. Ты пришел к нам в колледж. У всех нас была возможность с тобой поиграть.

– А, да, точно, – сказал он с видом гораздо более заинтересованным в том, что подцепил на вилку.

– Я была лучшей, – сказала Лорна, ожидая, что Марк подтвердит это кивком. Не подтвердил. – По крайней мере, ты говорил, что я лучшая.

– Конечно, ты была лучшей, – жуя, сказал он.

– И потом мы пошли выпить. Ты спросил меня, какой твой альбом нравится мне больше всех, и я сказала, что до того дня о тебе ничего не слышала.

– А вот это я помню. Меня очаровала твоя прямота и

ужаснула твоя дремучесть – в равной мере.

– И потом мы... оттуда и далее.

“Оттуда и далее” означало, что на следующей неделе они играли вместе несколько часов в квартире в Мозли, где Марк в то время ночевал. Затем они начали записываться – удаленно: Марк слал ей файлы из своей домашней студии в Эдинбурге, а Лорна дома добавляла партии контрабаса. Так у них накопилось несколько часов музыки, которую в итоге свели в семидесятиминутный альбом для Маркова австрийского лейбла, и в процессе у них сложился стиль, в котором медленный амбиентный бубнеж, который Марк медитативно извлекал из своей гитары, подкреплялся и обогащался Лорниным вкладом на контрабасе – Лорна рассматривала его как мелодический инструмент, нередко задействуя смычок. Столь стремительно превратиться из многообещающей студентки в записывающуюся музыкантшу оказалось для Лорны чем-то потрясающим, но дело в том, что их дуэт оказался удачным – они с Марком попросту сразу же подошли друг другу, и пусть британская пресса ими не заинтересовалась и дома концерты устраивать удавалось с трудом, продажи у их первого альбома в остальной Европе были очень даже заметные, а теперь и сами музыканты оказались в Вене, наступил первый день их шестидневных гастролей, и они стремились воссоздать вживую звучание своих студийных записей. В тот вечер, когда Марк отыгрывал очередное соло примерно на середине их сета, Лорна, глядя на него

сбоку сцены, размышляла в который раз, как этот человек – этот толстый, небрежно одетый и вообще несколько сомнительного вида пошляк – умел, когда хотел, творить музыку, словно ангел, пальцами и педалями извлекая из своей гитары звуки целого оркестра, заполняя пространство сложными гармониями и обертонами, дробными ходами мелодий, и они держали молодую публику в некоем экстатическом транссе.

– Несчастное мудачье сегодня собралось, – сказал он Лорне, когда они сели после концерта ужинать.

– О чем ты говоришь? Они остались в восторге.

– Я не чувствовал, что мы от них много чего получаем в ответ, – сказал он. – Я в морге публику видал живее.

Сузанне совершенно откровенно оторопела – словно поведение публики было ее личной ответственностью, и Лорна бросилась ее успокаивать:

– Не обращайтесь внимания. Замечательная была публика. Замечательный вечер. Это он так благодарность выказывает, хотите верьте, хотите нет.

За ужином к ним присоединился Людвиг, хозяин лейбла. Он привел их в ресторан под названием “Кафе Энглендер”, хотя ничего слишком уж английского в нем не нашлось: еда австрийская, порции щедрые, в том числе *иницель* – когда его подали, смотрелся он более чем удовлетворительным даже для Марковых appetitov.

– Вы гляньте, – произнес он, сверкая глазами. – Вы только

гляньте на него!

Сузанне и Людвиг просияли, гордые тем, что их национальная кухня вызвала такой восторг. И лишь Лорна, вновь заказавшая салат, вид имела осуждающий.

– У тебя тут три четверти теленка, – сказала она ему вполголоса, чтобы остальные не услышали. – Таким, как ты, ничего такого, как это, нельзя.

– Таким, как я? – переспросил он, наворачивая картофельный салат. – В смысле, таким раскормленным?

– Я этого не сказала. Раскормленным я бы тебя ни за что не назвала.

– Правильно, – сказал Марк. – Потому что я не раскормленный. Мой врач считает, что у меня морбидное ожирение.

После почти двух часов столь насыщенного выступления Марк с Лорной предпочли бы легкую и непринужденную беседу, но выяснилось, что Людвигу это не свойственно. Ему было под шестьдесят, он носил стильную седую шевелюру и коротко подстриженную бородку, имел острый ум и изящную и точную манеру выражаться. Всего через несколько минут он уже расспрашивал их о положении дел в британской политике.

– Как вам известно, Марк, я преданный англофил. В Лондон я впервые приехал в 1977 году, в разгар панка. Музыка эта мне не очень понравилась, а вот мировоззрение очаровало – молодого человека, выросшего в Зальцбурге, ультраконсервативном городе без всякой контркультуры, насколь-

ко мне было известно. Помню, в тот год случился серебряный юбилей Королевы, и одно время казалось, будто все поют либо государственный гимн, либо “Боже, храни Королеву” “Секс Пистолз”. В некотором смысле замечательно красноречиво это говорило о вашем национальном характере – эти две песни одновременно у всех на устах. По-моему, примерно тогда же я смотрел фильм из бондианы – “Шпион, который меня любил”³ и слушал, как публика ликовала, когда раскрылся парашют Бонда и все увидели Союзный гюйс. Опять-таки, до чего по-британски! Одновременно льстить себе и смеяться над собой. Я пробыл в Лондоне три месяца и под конец влюбился во все, с чем соприкоснулся, – в британскую музыку, британскую литературу, британское телевидение, чувство юмора, мне даже начала нравиться тамошняя еда. Я почувствовал, что есть в этом месте энергия и изобретательность, с какой не сталкиваешься больше нигде в Европе, и все делается без чувства собственной важности, с этой необычайной иронией, уникально присущей британцам. И то же самое поколение теперь... что? Голосует за Брексит, за Бориса Джонсона? Что с ними случилось?

Не успели Марк с Лорной найти с ответом на этот трудный вопрос, Людвиг продолжил:

– И не один я так думаю. Мы все задаемся этим вопросом. Мы же об умной стране толкуем, как вы понимаете, –

---

³ Здесь и далее все названия фильмов бондианы приводятся в соответствии с русскоязычными прокатными.

о стране, на которую мы когда-то равнялись. А этот ваш поступок принижает вас в наших глазах, вы смотрите слабее и отчужденнее, и вам это, похоже, очень даже по нраву. И тут же назначаете начальником этого шута горохового. Что вообще происходит?

Глянув на Лорну, Марк отозвался:

– Ну, с чего тут начать-то?

– Думаю, сперва, – произнесла Лорна, – стоит сказать, что Лондон и Англия – не одно и то же.

– Разумеется, – сказал Людвиг. – Это я понимаю.

– Англия и все остальное Королевство – тоже, – добавил Марк. – Я в Эдинбург не просто так переехал.

– И это я понимаю. И все-таки сердцем вы же англичанин, верно?

– Я так себя не определяю. Это не сущностное мое самоопределение.

– Сдается мне, – проговорила Лорна, тщательно подбирая слова, – что “типичного англичанина” вообще не существует.

– Ну, я бы хотел такого отыскать, если б мог, – сказал Людвиг. – А когда найду, задам два вопроса: этот новый путь, который вы избрали в последние несколько лет, – почему вы его избрали? И почему вести вас этим путем вы поставили именно этого человека?

И как раз тут у Сузанне зажужжал мобильник. Она взяла его, просмотрела сообщение.

– Ух ты, – сказала она. – Похоже, вы очень вовремя.

– В каком смысле?

– Сообщают с площадки. Они закрываются с завтрашнего дня – приказ городских властей. Далее никаких публичных событий. Никаких собраний больше чем на пятьдесят человек.

Остальные выслушали сказанное молча. Настроение вдруг сделалось сумрачным.

– Что ж, это было неизбежно, – проговорил Людвиг. – Не первый день обсуждается.

– По крайней мере, не полный локдаун, как в Италии, – сказала Сузанне.

– Это еще впереди, – заверил ее Людвиг.

– Куда нам завтра предстоит ехать? – спросил Марк. – В Мюнхен?

– Я утром первым же делом свяжусь с площадкой, – сказала Сузанне, – и сообщу, что они говорят. Но, я уверена, никаких затруднений не возникнет.

Лорна вновь принялась за свой салат и сделала пару глотков белого вина. Оно оказалось слаще, чем Лорна привыкла, и проскользнуло внутрь, как мед. Она оглядела ресторан и отметила про себя, до чего прекрасный это миг, до чего отличен он от ее жизни в Хэндзуорте, до чего отличен от ее обыденной рабочей жизни – мир радушных лиц, родственных душ, изящества и *Gemütlichkeit*⁴. Понадеялась, что этот

---

⁴ Суммарное ощущение веселья, уюта и дружелюбия (нем.).

мир у нее не отнимут, пока она не успеет им насладиться.

* * *

Наутро Сузанне приехала к ним на Хауптбанхоф – посадить на поезд до Мюнхена, отходивший в 8:30. Вид у нее делался все более обеспокоенный. В турне у Марка с Лорной предполагалось еще пять концертов: Мюнхен, Ганновер, Гамбург, Берлин и Лейпциг. Теперь уже казалось вероятным, что какие-то, скорее всего, отменят, пусть каждая немецкая земля и принимала подобные решения самостоятельно, по собственному разумению.

– Беда в том, что стоит кому-то одному ввести ограничения, как остальные сочтут, что им тоже так надо. Меня рядом не будет, чтобы все улаживать.

– Разберемся, – сказал Марк. – Если площадки закроются, просто оденемся потеплее и сыграем под открытым небом. Сделаем концерт без электричества. Марк Ирвин и Лорна Саймз, акустика.

– Ой, как жалко будет пропустить! – сказала Сузанне.

– А мы запишем, и вы сделаете концертник.

Она храбро улыбнулась, а затем вроде подалась вперед, чтобы обнять Лорну на прощанье, как обняла ее, приветствуя в аэропорту всего полтора суток назад. Но в последний миг обе передумали и обменялись неловкими жестами, которые теперь уже стали привычными, – стукнулись локтями,

такое вот блеклое подобие нормального человеческого соприкосновения. Марк отказался играть в эти игры. Он сгреб Сузанне в охапку, притиснул ее к своему мягкому, выпирающему пузу и сжимал в объятиях секунд десять.

– Простите, никакой дурацкий вирус не мешает нам выразить чувства, – сказал он. – Вы всё устроили здорово. Приглашайте нас при любой возможности, ладно?

– Конечно. Все скоро вернется в свою колею, и мы вас опять позовем.

– Отлично.

Марк поцеловал ее в лоб, а затем они с Лорной взялись за тяжкий труд загрузки инструментов в поезд.

Дорога заняла четыре часа, и Лорне понравилась вся поездка, до последней минуты. Ярко светило солнце поздней зимы, когда они пересекли границу Австрии и вкатились в Германию, пейзаж переменился, преобразился, и Лорна по-туристски наделала несколько десятков снимков заснеженных баварских Альп, городков и деревень, угнездившихся между склонами. Парочку отправила Донни и бабуле, но ни тот ни другая не отозвались. Напротив нее у окна дремал Марк, время от времени всхрапывая и от этого резко просыпаясь. Лорна подозревала, что прошедшей ночью выспаться Марку не очень-то удалось. В гостиницу он с ней после ужина не вернулся – нашел через мобильное приложение для сетевых знакомств какого-то мужика и отправился на встречу с ним куда-то в клуб. О дальнейшем Лорна предпочла не

расспрашивать.

Рядом со спящим Марком сидела опрятная, хорошо одетая женщина, листавшая немецкую версию журнала “Вог”. Лорну заворожило, до чего трудно даме оказалось листать страницы, поскольку руки у нее были в тонких кожаных перчатках. В вагоне было тепло, пальто и жакет дама сняла, но при этом в перчатках просидела всю дорогу.

* * *

Вирус преследовал их по всей Германии. В Мюнхене, Ганновере, Гамбурге и Берлине удача не изменяла: площадки оставались открытыми вплоть до их концертов, хотя все четыре закрылись наутро после. Каждый вечер порядок был один и тот же: саундчек, далее концерт, затем быстрый ужин с организаторами. Что ни ужин, разговоры всякий раз возвращались к вирусу, к новым мерам, объявленным властями, к новым фразам вроде “социальной дистанции” и “коллективного иммунитета”, которые все теперь употребляли заправски, к новой эпидемии нервных шуток насчет мытья рук, локтевых приветствий и отмены рукопожатий, к пугающим сводкам о локдауне в Ухане, к рассуждениям о том, как Италия справится с локдауном и не последуют ли за ней прочие европейские страны. Разговоры эти были преимущественно непринужденными и беззаботными, со скрытой изумленной настороженностью, с ощущением, что обсуждаемое не мо-

жет происходить на самом деле или надвигаться неотвратимо. Хозяева концертных площадок едва справлялись с куда более непосредственными практическими трудностями: сколько продлятся эти закрытия, как оплачивать работу персонала и аренду, хватит ли денег на счетах, чтобы держаться, пока тянется неминуемый кризис. Разговоры тревожные, если вдуматься, но благодаря вину, еде, смеху и человеческой теплоте они получались не просто сносными, но и приятными.

Берлинский концерт сложился, вероятно, лучше всех. В тот вечер Марк играл особенно вдохновенно. Словно знал, что это выступление будет у них в ближайшее время последним, и потому превзошел самого себя, полностью растворившись в музыке, отдавшись ей целиком, с такими погруженностью и самозабвением, какие Лорне казались невозможными.

Была его игра и щедрой – щедрой к Лорне. Как контрабасистке роль ей отводилась всего лишь поддерживающая, но он никогда такого не допускал, неизменно давая ей почувствовать себя равной партнершей. Однако в тот вечер она знала, что он играет на другом уровне и ей ни за что не дотянуться до его терпеливой, неспешной инвенции, до его чудесного потока идей. И ладно. Выступить с ним уже было почетно. Они играли в странном месте – в подвале магазина звукозаписей в бывшем Восточном Берлине, неподалеку от телебашни. Помещалось туда человек семьдесят, и народу

набилось битком. Раз-другой Лорна ловила себя на том, что смотрит на толпу молодых берлинцев, притиснутых друг к другу в плотную, и думала о том, как они вдыхают и выдыхают, прикасаются к стульям, к которым прикасались другие люди, и даже иногда покашливают, и Лорна замечала, что может вообразить себе, как этот крошечный смертоносный организм, о котором они только что узнали, перескакивает с человека на человека, от одного хозяина к другому, ищет себе очередное место обитания, очередную возможность расплодиться и наброситься. В такие мгновения она понимала, что теряет сосредоточенность и подводит Марка, нарушая договор доверия, какой существует между двумя музыкантами, импровизирующими на сцене. И потому она поспешно брала себя в руки и старалась играть дальше с новой включенностью. Раз-другой они с Марком совпадали: апогеи их пыла сливались воедино, и тогда – всего на несколько секунд – достигалось нечто волшебное, и в те драгоценные мгновения публику и исполнителей возносило, время останавливалось и по залу растекалось нечто похожее на блаженство. Лорна жила ради этих мгновений, но, бывало, такого не случалось ни разу за весь концерт. В тот вечер в Берлине они были благословлены: нирвана мимолетно оказалась в пределах досягаемости, и когда они после концерта отправились за едой, улет не закончился ни у кого.

Однако наутро, когда Марк с Лорной добрались до Лейпцига, в гостинице их ждала записка. В тот вечер концерт –

последний в их турне – отменили.

Несколько сдвнувшись, они стояли в вестибюле и чувствовали себя по-дурацки. Лорна вцепилась в исполинский глянцеви́тый футляр со своим инструментом, одни лишь размеры которого казались как никогда несуразными.

Позвонили Сузанне, та посочувствовала.

– Я же говорила, что, скорее всего, так и будет, – сказала она. Предложила перебронировать им вылет на тот же день, но они понимали, что это потянет за собой дополнительные расходы, которые компании не по карману.

– Незачем, – сказал Марк. – Мы просто поотвисаем и вылетим завтрашним рейсом, на который вы нас посадили. Не волнуйтесь за нас, мы в порядке. Сходим погуляем, посмотрим сегодня город.

Лорна понимала, что именно этим и следовало бы заняться, но воодушевления отыскать в себе не смогла. Ясно было, что в заданных обстоятельствах им повезло, очень повезло почти завершить гастроль, потеряв всего одно выступление, и все же разочарование оказалось сильно. Она отпустила Марка гулять – кто знает, в какие переулки прогулка его заведет, – а сама осталась в гостинице и переключала телевизор с канала на канал, пока не решила напоследок позвонить бабуле. Новости о вирусе сделались откровенно тревожными. У Лорны даже зародилась некая паранойя – не подцепить бы, не надо бы приближаться к людям, жать им руки, позволять на себя дышать. А бабуле восемьдесят шесть, и пусть

она в хорошей форме и здорова (не считая аневризмы), тем не менее, если она это подхватит, велика вероятность, что ей придется тяжело. Отношение к вопросам здоровья у нее нынче, похоже, было самое наплевательское, и Лорна сочла, что, наверное, пора внушить бабуле, до чего в ближайшие недели важно беречься.

На сей раз скайп в кои-то веки прогудел всего раза три-четыре, и на другом конце ответили. И на сей раз в кои-то веки не высокий сморщенный бабулин лоб возник в тряском поле зрения, а лицо Питера – младшего брата Лорниного отца, – полностью обозримое и идеально центрированное на экране.

– О, привет, – сказала она. – Я не знала, что ты гостишь.

– Решил сегодня утром вот буквально, – сказал он.

– Приехал на машине из Кью?

– Да, где-то час назад.

Дядя Питер жил один в домике ленточной застройки примерно в полумиле от Кью-Гарденз на юго-западе Лондона. До матери ему было ехать часа два, но он довольно регулярно проделывал этот путь – раз в две-три недели. Овдовела она больше семи лет назад и пусть наконец к этому и попривыкла, он знал – и Лорна знала, – что иногда одиночество казалось ей почти непереносимым. Питер чувствовал, что это его долг – навещать мать при любой возможности.

– Ты с бабулей хотела поговорить? – спросил он. – Сейчас позову.

Лорна осталась глядеть в экран, тот пустовал, пока крупное красивое кошачье в шубе с ярким коллажем черных и белых пятен не вскочило на стол и не вперило в камеру обличающие зеленые глаза, после чего развернулось и открыло Лорне беззастенчивый вид на свой зад.

– Чарли, брысь со стола! – послышался голос Питера, показалась рука, сгребшая недовольное животное, бабулиного преданного компаньона, и убравшая его с глаз долой. Затем экран, повернутый горизонтально, заняли два лица. Бабуля с виду была очень довольна собой. Глаза счастливо блестели – ее младший сын был рядом. Чувствовалось в этом некое торжество.

– Ты посмотри, кто у меня на пороге возник нынче утром, – сказала она.

– Как прекрасно, – сказала Лорна. – Надолго?

– Ты же на ночь останешься, правда? – спросила бабуля у Питера.

– О да. – Затем Питер спросил Лорну: – Так и где ты сейчас?

– В Лейпциге, – ответила она. – А вот концерт сегодня отменили.

– Ох ты! Не из-за вируса же?

– Сейчас тут всё закрывают, по всей Германии.

– Ты поосторожней, – сказала бабуля. – Никаких микробов не вдыхай. И руки мой все время. Вот что надо делать, кажется. Все время мыть руки.

– У меня концерт через две недели, – сказал Питер. – Интересно, получится ли.

– Ты же все равно завтра домой? – спросила бабуля.

– Да.

– Донни, наверное, будет счастлив, что ты возвращаешься целая-невредимая. Чем собираешься заниматься остаток дня?

– Не знаю.

– Сходила бы проведать семейные склепы, – неожиданно произнес Питер.

– Что?

– У нас в Лейпциге родственники похоронены где-то.

– Да?

– Да. Правильно же, мам?

– Ну, это я не знаю. Но твой прадед, – сказала она, обращаясь уже к Лорне, – был немцем.

– Правда? – переспросила Лорна. – Твой отец, в смысле?

– Нет, не мой отец. Дедушкин.

Питер вмешался с поправками:

– Не отец. Его дед.

Бабуля на миг растерялась, а затем согласилась:

– А, да. Дедов дед.

– То есть мой прапрадед, – сказала Лорна.

Бабуля обратилась к Питеру за подтверждением:

– Правильно?

– Правильно. Ты имеешь в виду Карла.

– Он самый. Карл. Дедушка Джеффри.

– И он был из Лейпцига? – уточнила Лорна.

– Ой, этого я не помню. У него был немецкий акцент. Я едва могла понять, что он говорит.

– Да, он был из Лейпцига, – рьяно подтвердил Питер. – Я составлял семейное древо.

– Как его звали? – спросила Лорна, внезапно воодушевившись затеей прогулки по старым кладбищам и посещения могил забытых предков.

– Шмидт, – сказал Питер. – Карл Шмидт.

– Ох, – сказала Лорна. – Не очень-то оно сужает поиск.

– Не особо. Иголка в стоге сена, в общем.

– Думаю, просто схожу в музей или куда-нибудь еще.

– Хорошая мысль.

– Ну, будь осторожна, – сказала бабуля. – И руки все время мой, ради всего святого.

Они попрощались, и бабуля отправилась на кухню готовить чай – третий чайник с тех пор, как приехал Питер. Сын двинулся за ней и встал у кухонного окна, пока мама возилась с кружками и чайными пакетиками. Оглядел сад – цветочные клумбы, за беготню по которым в детстве ему влетало; наклонный прямоугольник газона, с которого Питер катался на санках, когда б ни соизволял выпасть снежок; раскидистый сумах, чьи скелетоподобные ветви и лаймово-зеленые листья он так пристально изучил за долгие послеполуденные часы чтения и грез, – весь этот миниатюрный пей-

аж, знакомый во всех подробностях с тех пор, как Питеру исполнилось десять лет, и почти не менявшийся за все последующие сорок девять. Семья переехала сюда в 1971-м. До этого они жили в нескольких милях отсюда – в Борнвилле, где мать родилась и провела свое детство. Этот дом она теперь никогда не оставит, Питер не сомневался, пусть он для нее и чрезмерно огромен. “Тут я и помру”, – уже начинала поговаривать она, очевидно полагая, что это событие все ближе и ближе. Рядом с ее сердцем набухала аневризма аорты. Мало-помалу, миллиметр за миллиметром, год от года. Неоперабельная, как сообщил бабуле врач.

– Она лопнет? – спросила у врача она.

– Может, – ответил врач. – Через год, или через два, или через пять, или через десять. Как повезет.

– А что происходит, когда лопается? – спросила она.

– Происходит то, – ответил врач, – что мы называем *летальным исходом*.

С тех самых пор она стала именовать аневризму “часовой бомбой”. Ничего с этим не поделаешь, надо просто жить дальше, проклиная то, что с аневризмой нельзя водить автомобиль, и надеяться на лучшее. Или надеяться, что доконает тебя что-то другое – из-за возраста же что-то тебя доконает, верно? Скорее раньше, чем позже. О будущем бабуля размышляла мало, но не застревала и в прошлом, жила текущим мгновением, и эта стратегия исправно служила ей большую часть века.

Тем не менее Питера изводила эта вот склонность матери жить только ради настоящего. С недавних пор он пал жертвой одержимости семейной историей, возникла она в нем со смертью отца и набрала обороты после того, как Питер остался без пары и с избытком свободного времени. Он рылся в сетевых архивах и перебирал бумаги дома у матери при каждом визите к ней, однако ресурс, которым он по-настоящему желал воспользоваться, – материна память, а с ним работать оказалось трудно. Не потому что маме она отказывала, а потому что прошлое, судя по всему, не представляло для нее никакого интереса. Теми крохами сведений, какие ему удавалось добыть, она делилась неохотно, но, как ни крути, осталась последней выжившей в ее поколении, единственной, кто мог вспомнить семейные истории 1950-х и 40-х годов. Что могла она рассказать, например, о забытом Карле Шмидте, деде ее покойного мужа, при загадочных обстоятельствах приехавшем в Бирмингем в 1890-е и прожившем там, пока шли обе мировые войны, в которых агрессором выступала его родная страна? Какую позицию он занимал? Что за человек был?

– Ой, да я не помню о нем почти ничего, – сказала она. – Я была очень молода. Он казался суровым и страшным. Я боялась его до смерти.

Сидя в кресле у эркерного окна и держа на коленях Чарли, урчавшего в пятне солнечного света, она потянулась к “Дейли телеграф”, раскрытой на странице с кроссвордом.

– Ну-ка давай, – сказала она. – Семь по горизонтали, “Модно одетый человек”, пять букв, начинается с “ф”.

Вопиющая попытка сменить тему, и Питер не собирался ей потакать.

– Что-то же ты наверняка помнишь, – сказал он.

– “Франт”, – сказала бабуля и вписала слово карандашом.

– В смысле, когда ты с ним познакомилась?

Она вздохнула, понимая, что Питер, если уж взялся ей с этим докучать, в покое не оставит.

– Ну, *это* я, конечно, помню.

– Когда?

– В конце войны.

– То есть году в 1944–45-м?

– Ой нет, я про самый конец говорю. – Она осторожно отхлебнула чай – все еще слишком горячий. – Сразу после того, как война кончилась, – пояснила бабуля. – Про День победы в Европе и прочий сыр-бор.

Событие первое

День победы в Европе

8 мая 1945 года

1

Воздух не пах шоколадом – шоколад был в воздухе. Как-то называть фабрику, стоящую в центре деревни, было незачем. Ее просто звали Фабрикой. На Фабрике делали шоколад. Шоколад здесь делали шестьдесят с лишним лет. Джон Кэдбери открыл первую лавку в центре Бирмингема еще в 1824-м, продавал там молотые бобы какао для горячего шоколада: как и его братья, он был приверженным квакером и считал этот напиток не только питательной составляющей завтрака, но и здоровой заменой алкоголю ближе к вечеру. Дело устойчиво шло в гору, работников прибавлялось, фабричные территории расширялись, и вот в 1879 году его сыновья решили перенести в Бирмингем все производство целиком. Земля, которую они выбрали, представляла собой в то время холмистые луга. Видели они это так: промышленность и природа должны сосуществовать в гармонии, в симбиозе, опираясь друг на друга. Поначалу производство было невелико. Одноэтажное кирпичное здание,

залитое светом с трех сторон – обширные окна открывали вид на окрестные зеленые просторы. Рядом с фабрикой обустроили спортивные поля, сады и детскую игровую площадку. Отсюда центр города казался далеким. Это место звалось деревней и ощущалось деревней. Рабочим приходилось преодолевать не одну милю туда и обратно, и приезжали они на железнодорожную станцию, в те дни носившую название “Стёрчли-стрит”. Такое положение дел невесть сколько продолжаться не могло: к концу XIX века число нанятых на Фабрике выросло с двух сотен до более чем двух с половиной тысяч. В 1895 году компания прикупила еще земель, прилегающих к фабричным зданиям, и вскоре рабочие смогли пользоваться дополнительными местами отдыха и крикетной площадкой. Однако устремления семьи Кэдбери простирались шире. Они воображали себе жилье: недорогие дома, добротные, с просторными садами, где благоденствовали бы деревья, росли бы фрукты и овощи. Сердцевиной проекта по-прежнему оставалось квакерство, а цель стояла такая: “Улучшить условия для рабочего класса и трудового народа в Бирмингеме и вокруг него, обеспечив его улучшенным жильем, с садами и прилегающими общинными территориями”. При всяком удобном случае они покупали и покупали земельные участки в этой провинции к югу от Бирмингема, решительно настроившись не позволять накладывать на эти земли лапу застройщикам менее дальновидным и более жадным до барышей. И вот так деревня прирастала, ширилась, прости-

ралась далее, выбрасывала побеги, цвела, словно растение, пока не покрыла собою сотни акров и не накопила в себе более двух тысяч домов; многие из них, но не все, обжили рабочие Кэдбери, и пусть со всех сторон обступали деревню другие, более привычные предместья – Стёрчли и Коттеридж, Смолл-Хит и Кингз-Хэд, Кингз-Норт и Уэст-Хит, Нортфилд, Уили-Касл и Селли-Оук, – деревня своего характера не утратила. В середине ее размещалась зеленая площадь. Рядом располагалась начальная школа с часовой башней, а в ней – знаменитый карильон. Мимо школы шли Вудбрук-роуд, Торн-роуд и Линден-роуд – тракты эти, как бы ни запруживало их транспортом в последующие годы, всегда хранили покой, пасторальную память о тени и густой листве, запечатленные в самих названиях этих дорог⁵.

Как же следует назвать его, это особое место? Можно было б счесть, что людям, наделившим его именем, деревня и все ее приюты, спортивные площадки, миниатюрный пруд с лодками и крикетисты в белой фланели казались воплощением архетипа английскости – едва ли не пародией на нее. Ручеек, вившийся прямо посреди селения, назывался Борн, и многие ожидали, что имя деревне будет Борнбрук. Но деревню породило предприятие, и предприятие это продавало шоколад, и даже в сердцах самих Кэдбери, этих зачинателей британского шоколадного производства, таилось оста-

---

⁵ *Woodbrooke* – от англ. *wood* – лес и *brook* – ручей; *thorn* – боярышник, *linden* – липа (англ.).

точное чувство неполноценности родного продукта по сравнению с материковыми соперниками. Не было ли в изысканнейшем шоколаде чего-то сущностно, прирожденно европейского? Сами бобы, разумеется, всегда прибывали из удаленных уголков империи – тут ничего небританского, – однако превращение их в съедобный шоколад изобрел голландец, и повсеместно была признана истина – пусть и негласно, – что высоты, близкие к совершенству, в изготовлении шоколада освоили французы, бельгийцы, швейцарцы. Если уж состязаться шоколаду Кэдбери в этом поле, следует придать ему такую торговую марку, чтобы в ней слышался отзвук европейской утонченности, материкового изыска.

А потому, решили они, Борнбрук не подойдет. Выбрали вариацию по мотивам. Борнвилл. Название деревни не только основанной на шоколаде, не только ему посвященной, но поистине рожденной из грезы о шоколаде.

2

К утру понедельника 7 мая однозначных новостей по-прежнему не было. Война вроде бы завершилась, но мир пока не начался. Людям не терпелось, все ждали объявления. Предполагалось ли, что все выйдут на работу? Когда позволено будет праздновать? После едва ль не шести лет самопожертвования и обездоленности уместно же спеть сколько-то песен, посидеть у костров, а пабам не закрываться допоздна? Разговаривая через забор, сосед Сэмюэла мистер Фартинг сказал, что это клятое позорище какое-то, простите мой французский, и Сэм согласился, сказав, что правительство нарвется на неприятности, если не даст всем продохнуть и погулять день-другой. Люди припомнят, когда придет время выборов-то.

Насчет политики у Долл взглядов уйма, но участвовать в таких разговорах ее не приглашали. Пока ее муж и мистер Фартинг наводили в мире порядок, стоя у забора на задах, она сверилась с напольными часами в коридоре и отправилась за метлой в кладовку под лестницей. Долл – человек привычки. Без четверти одиннадцать во всякий будний день она отправлялась мести крыльцо, и причина для этого у нее была вполне предметная: именно в это время у детей в школе через дорогу случалась переменка. Долл нравилось выбираться на улицу как раз перед этим, и перво-наперво в

ее распоряжении оказывалось несколько минут, когда можно упиться свойственной этому утреннему часу привычной звонкой тишиной Борнвилла. Затем долетал звон учительского колокольчика, и тут же начиналось: постепенно прибывал гомон пронзительных голосов, поначалу приглушенный и неразборчивый, а затем вдруг – во всю глотку, когда распахивались парадные двери школы и восемьдесят семь детишек с грохотом высыпали на игровую площадку. Долл обожала тишину, укрывавшую ее деревню почти весь день, но звуки ближайшей четверти часа обожала даже крепче. Любила она слушать, как перекликаются дети, зовут друг друга по именам, их пронзительные крики в избыточной возбужденности, их детские песенки, и дразнилки, и игры в классики. Не то чтобы все это можно было отчетливо разобрать или отделить одно от другого – все сливалось в единый хор, в милое беспорядочное попури детских голосов (хотя Долл знала – и это существенно добавляло к ее удовольствию, – что был где-то там и голос ее дочери, пусть его и не разобрать). Стоя на крыльце с метлой в руке, слушая далекий гомон детских голосов, Долл чувствовала, что одновременно обитает и в прошлом, и в настоящем, и в будущем: он напоминал ей детство, ее школьные годы тридцать лет назад, маленькую церковную начальную школу в шропширском Уэллингтоне – воспоминание древнее, но яркое, – однако напоминал он ей и о том, что эти кричащие и поющие дети станут теми, кто на своих плечах вынесет ближайшие годы, восстанавливая

страну после шестилетней трепки, отправляя память о войне на покой. Прошлое, настоящее и будущее – вот что слышала она в звуке детских голосов с игровой площадки на утренней перемене. Словно набегающая приливная волна бурливой реки, далеким контрапунктом “ших, ших, ших” метлы по ступеньке, бестелесный голос шепчет ей на ухо, вновь и вновь, заклинание: *все меняется, и все остается прежним.*

* * *

Человек привычки, Долл без четверти одиннадцать вышла на крыльцо и назавтра, хотя знала, что детей на сей раз не услышит. Школы сегодня закрыты. И тем не менее борнвиллская тишина казалась глубже обычного – даже в это эпохальное утро. Объявление наконец прозвучало по радио: два дня ликования. Но всяк, ожидавший увидеть пьяный разгул или внезапные пляски на мостовых этих сдержанных, обсаженных деревьями улиц с вереницами спокойных, безмятежных домов, оказался бы разочарован. Дороги, если уж на то пошло, были пустыней обычного. Тишина, если уж на то пошло, была еще абсолютнее. Не нарушалась, пока Долл не закончила подметать и не собралась вернуться в дом: в тот миг она услышала шаги и, обернувшись посмотреть, кто там, увидела, что мимо шагает мистер Такер из дома № 18. В котелке, а также в толстенном шерстяном пальто, невзирая на жару.

– Доброе утро, мистер Ти, – сказала она, желая поболтать. – Что это вы нынче нарядились в рабочую одежду? Вам разве не сообщили?

– Нет, не сообщили, – ответил он чопорно, словно бы вечно негодуя. – Я, как обычно, поехал трамваем в Город и, лишь добравшись до конторы, обнаружил неладное. Двери на замке, никаких объяснений. Хоть объявление бы на двери – уже *что-то*. Минутное дело.

– Какая жалость. Зря проехали. Наверное, они думали, что все всё услышали по радио.

– Радиоприемником не располагаю, – сказал мистер Такер.

– А, вон что. У вас два дня отгулов, можете веселиться вместе со всеми. В Роухите сегодня вечером будут жечь костер.

– Найду себе занятие получше, – сказал мистер Такер. – Это нетрудно.

Мистер Такер собрался было двинуться дальше, но тут даже он заметил, что в облике Долл было нечто необычное, и не смог удержаться от вопроса:

– Миссис Кларк... что это, позвольте спросить, у вас на голове?

Он имел в виду газетный лист, сложенный в незатейливое треугольное нечто, украшенное красными, белыми и синими карандашными полосами и сидевшее у Долл на темно-рыжих волосах.

– Это шапка, – сказала она. – Мэри их все утро делала. Хотите, попрошу ее вам такую же сделать?

– Спасибо, нет, – ответил он. – Понимаю, время праздновать, но все же существует и достоинство. Достоинство в любых обстоятельствах.

Мистер Такер отправился дальше, слегка споткнувшись о корень липы, выперший из-под мощения. Он попытался сделать вид, будто этого не произошло, и продолжил свой путь, а Долл изо всех сил постаралась не рассмеяться. Смотрела вслед его удалявшейся фигуре, размышляя о том, до чего он все же загадочный субъект, однако безобидный, живет себе один в восемнадцатом доме, никакого шума от него, никакого безобразия, сад содержит в порядке, прибранным, все наличники на окнах и на дверях каждые два-три года покрывает свежей краской. Повезло Долл с соседями, вот правда. Борнвилл – высококлассное предместье. Люди тут на голову выше прочих, и это было важно для Долл – она не ощущала никакого противоречия между тремя своими предметами веры: христианством, социализмом и снобизмом.

Она увидела, как мистер Такер открыл парадную дверь и, перед тем как скрыться внутри, обернулся и бросил последний неодобрительный взгляд на бумажную шапку соседки. Шаги его были почти беззвучны, однако теперь, когда он скрылся из виду, вновь чуть ли ни мгновенно низошла эта абсолютная и жутковатая тишина.

До чего странно сегодня в деревне. Всем, казалось, не по

себе, все и взбудоражены, и утомлены, словно их раздирало между радостью от того, что война завершилась наконец, и позволением признать, до чего тяжким испытанием она была, а вслед за этим признанием погрузиться в усталую подавленность. Сама Долл не находила себе покоя. Ждала вечернего костра в Роухите, но, помимо этого, чем еще им занимать себя? Как полагалось идти этому дню? Сэму велели взять отгул, и он теперь сидел в гостиной, погрузившись в юмористический журнал с картинками, взятый у Мэри. Вернувшись в дом, Долл подсмотрела за ним, выглянув из-за двери в гостиную, и раздосадовалась поначалу, что он развалился в кресле, не замечая ее присутствия, взгляд вперил в рисованную историю для десятилеток, но смягчилась, заметив улыбку у него на лице, сияние детской радости в глазах, – он следил за свежими похождениями Доблестного Дэна и несусветным потреблением “коровьих лепех”⁶. Порадовалась она, что в душе он, как и прежде, мальчишка и заслуживает чуточки дурацкого удовольствия – после всего, что пережил за последние несколько лет, после всех ночей, проведенных не в тепле и уюте дома рядом с Долл, а на крыше Фабрики, откуда следили за пожарами в городе, когда налетали самолеты. (Большинство ночей не муж лежал рядом с ней в постели, пристроившись к изгибам ее тела, как тому и

---

⁶ *Desperate Dan* (1937–2013) – ковбой с Дикого Запада, персонаж шотландского журнала комиксов *The Dandy*, придуман английским художником Дадли Д. Уоткинзом; питался пирогами с говядиной, из которых буквально торчали рога и хвост.

следует быть, а Мэри свертывалась клубочком и прижимала Малыша Теда к медленно вздымавшейся и опадавшей груди, погружая Долл в неохотный сон мерным приливом и отливом своего невинного посапывания.) А потому не упрекнула она его, а лишь сказала, подначивая:

– Наверстываешь упущенное, так?

Сэм с виноватым испугом отложил журнал.

– Ты же говорил, что намерен взяться за книжки по истории. И еще разок попробуешь дочитать “Войну и мир”.

– Так и есть. Вот только улучу минутку.

Долл взяла журнал.

– “Бойкий Кот”⁷, – прочла она, а затем повторила напечатанное на картинке с обложки: – “Бойкий в салки стал играть, и долетели слухи, что главный приз он получил, последовав за нюхом”. – Она бросила журнал мужу на колени. – Взрослый человек – а читаешь такое!

– Ты за этим пришла? Чихвостить меня?

– Нет, я пришла глянуть, чем Мэри занимается. Она вроде шапки делала.

– Доделала. Ушла в сад.

– Ну, нечего ей там прохлаждаться. Есть чем заняться.

– Да ради всего святого, женщина, – вскричал Сэм в отчаянии, – сегодня особый день. Всем полагается праздновать.

---

⁷ *Korky the Cat* (с 1937) – черный кот с белыми лапами, животом и мордой, персонаж из журнала *The Dandy*, придуман английским художником Джеймзом Крайтоном.

– Ну, миссис Баркер явится в половине шестого, как и во всякий вторник. А я уже несколько дней не слышала, чтоб Мэри репетировала. – Она подошла к пианино, подняла крышку банкетки и достала ноты. – Ты посмотри! Она к Бетховену даже не прикасалась.

Сэм неохотно отложил журнал и встал.

– Я с ней потолкую, – сказал он. Долл в это вмешивать ни к чему. Она девочку только расстроит, а дальше жди ссоры.

С трубкой в руке он прошел коридор, кухню и затем маленький застекленный тамбур, который они помпезно именовали “верандой”, и оказался в саду. Мэри сидела под яблоней на неказистой деревянной скамейке, несколько лет назад спроектированной и сколоченной лично Сэмом, – что поразительно, конструкция пока не рухнула и не развалилась. С трехмерными предметами у Сэма получалось так себе, талант у него был в рисовании.

Сэм сел рядом, поднес огонь к трубке, протянул дочери жестянку и позволил понюхать, вдохнуть густой, пьянящий аромат. Она любила запах его табака.

– Читать не хочется? – спросил он, кивнув на закрытую книгу у нее на коленях.

– У меня здоровские мысли, – со всей серьезностью ответил ребенок.

– А. – Сэм два-три раза пыхнул, пытаясь раскурить трубку. – Ну, такие не каждый день приходят. И что же за мысли?

– Я размышляла, как бы получше его убить. Повесить на

фонаре или сжечь живьем.

Сэм серьезно глянул на дочь. Подобным садистским порывам она обычно не поддавалась.

– Старика Адольфа, в смысле? Вряд ли стоит об этом беспокоиться. Ему крышка. Может, уже покойник.

– Нет, не Гитлера, – сказала Мэри, пренебрежительно фыркнув. – Он мне без разницы. Я про Бетховена. Хочу, чтобы он помучился.

– Бетховена давно уже нет в живых, – отозвался ее отец. – Так что же он тебе сделал плохого?

– Он сочинил эту пьесу. Дурацкий “Экосез” этот. Я его на прошлой неделе упражняла-упражняла, а он все равно не звучит как надо, и на этой неделе я вообще не занималась, и миссис Баркер будет бешеная. И почему вообще я должна с ней сегодня заниматься? Я думала, сегодня полагается выходной.

– Сегодня выходной и есть. Это не значит, что все должно замереть. Жизнь продолжается. Уж это-то мы усвоили.

– Ни у кого из моих друзей фортепианных уроков сегодня нету, могу спорить.

– Ну, они, в отличие от тебя, на пианино так хорошо не играют. Это, между прочим, ответственность. Когда будешь играть при полном зале в Королевском Алберт-холле через несколько лет – порадуешься, что упражнялась.

Мэри фыркнула.

– Никогда я не научусь так, чтобы в Королевском Ал-

берт-холле играть.

Сэм похлопал ее по коленке.

– Беги в дом и позанимайся немножко, ладно? Мать порадуетя, и жить нам всем будет спокойно.

С тяжким вздохом Мэри встала и удалилась. Сэмюэл остался на скамейке, продолжая наслаждаться трубкой в мире и тишине, а несколько минут спустя усладился звуками смертельного поединка дочери с Бетховеном; впрочем, у входа на веранду вскоре возникла Долл и вновь принялась его изводить. На сей раз его внимания, похоже, требовал сад, и ему под недреманным оком супруги пришлось провести почти целый час на четвереньках, прореживая всходы, сажая капусту и окучивая картошку. Работа утомительная, он запыхался, вспотел, а на брючных штанах образовалось два земляных пятна. Не успел закончить, как Долл, сколько-то минут назад оставившая его в покое, вновь возникла на веранде, да еще и с неожиданным гостем – ее зятем.

– Привет, Джим. – Сэм встал во весь рост, вытер руку о штаны и протянул ее. – Вот чудеса-то. Гвен спустила тебя сегодня с поводка, что ли?

– Фигурально выражаясь. У нее три соседки в гостях, они там в кухне чай гоняют и кудахчут, как целый курятник. Вот я и подумал сбежать и проверить, не соблазнишься ли ты со мной на пинту где-нибудь.

– На пинту?

– Да.

– Пива, в смысле?

– Именно.

Сэм смутился.

– Слушай, Джим, у нас в доме пусто. Долл не считает...

– Я не имел в виду здесь. Вряд ли бы стал я заявляться к тебе в дом и требовать выпивки, ну? Думал, ходим в паб.

Ужас от дерзости этой затеи потеснил смущение. Среди-на дня. Сэм, естественно, понимал, что пабы посреди дня открыты, но ему обыкновенно и в голову бы не пришло на-вестить паб – уж точно не под носом у жены, скажем так.

– Ты же не против, Долл, а? – спросил Джим, ожидая воз-ражений. – В смысле, обычно-то мне бы и не приснилось сби-вать твоего мужа с пути истинного. Но нынче такой день...

Долл осталась не в восторге, это очевидно. Вместе с тем не очень-то получилось бы у нее возражать. Зятя своего Долл почитала и, возможно, даже побаивалась. Он был мужем ее старшей сестры, и это наделяло его немалым нравственным авторитетом. Если он считал, что сегодня прилично отпра-виться в паб посреди дня, так тому и быть. Просто придет-ся уступить. Требование у нее только одно: муж должен вер-нуться не позже чем через час.

Однако случиться такое могло вряд ли – во всяком слу-чае, по той причине, что ближайший паб находился более чем в миле от них. В самом Борнвилле никаких пабов не водилось. Пабы остались за пределами этики, на фундамен-те которой воздвиглась деревня. Все-таки почти век назад

семья Кэдбери мыслила себе жидкий шоколад как альтернативу выпивке. Их предприятие основывалось на принципе умеренности. И когда в 1900 году владения Борнвилл передали борнвиллскому Деревенскому попечительскому фонду, в условиях сделки сказано было, что “продажа, распространение или употребление опьяняющих напитков должно быть полностью исключено”. Коли Сэм и ее зять желали выпить, это придется заслужить, топая пешком.

* * *

И уж они-то заслужили. К его возвращению домой Сэмюэлу успели продать, а сам он успел потребить немалый объем выпивки, и теперь та приятно распространилась по всей его нервной системе. Долл это не порадовало. Осязаемо было ее недовольство, однако впрямую Сэму она ничего не сказала, поскольку в этом доме так не делалось. Мать и отец Мэри ссорились редко. Разногласия возникали, происходил скупой обмен обтекаемыми словами, а затем наступали тихо kloкотавшие долгие молчания. Но никто не возносил голоса выше обиженного, капризного тона, в каком Долл произнесла:

– Ты впритык. Почти три часа дня.

– А что будет в три часа дня?

Долл цокнула языком.

– Что будет в три часа дня? – переспросила она. – Ты

сколько пинт принял? Мистер Черчилль по радио – вот что будет. Как ты мог забыть *такое*?

Радио уже включили, и из него с ненавязчивой громкостью изливалась легкая музыка. Сэм устало опустился в кресло, Долл подкрутила ручку приемника и позвала дочку, чтоб спускалась к ним.

– Премьер-министр произнесет речь! – крикнула она. – Такое нельзя пропускать!

Они сидели и слушали мистера Черчилля в том же почти-тельном молчании, какое сохраняли, когда говорил Король – или преподобный Чэпмен на еженедельной проповеди. Мэри речь показалась очень скучной, на ней едва удавалось сосредоточиться. Первые несколько минут премьер-министр вроде бы исключительно перечислял имена заморских генералов и политиков и рассуждал о подписании пактов и договоров, названия которых тоже казались заморскими. Премьер-министр продолжал бубнить, и Мэри заметила, что веки у отца постепенно отяжелели. Но тут речь наконец сделалась более выразительной: Черчилль объявил, что *“боевые действия официально завершатся этой ночью, в первую минуту после полуночи”*. Он напомнил всем, что кое-какие немцы все еще воюют с русскими войсками, но добавил, что *“это не мешает нам сегодня и завтра праздновать Дни победы в Европе. Сегодня же, вероятно, – продолжил он, – нам следует думать преимущественно о себе. Завтра мы отдадим особое должное нашим русским товарищам, чья*

мощь на поле боя стала одним из величайших вкладов в общую победу”.

Услышав это, Долл умудренно кивнула и сказала мужу:

– Так и есть, верно? Если б не русские, мы б ни за что не победили.

Но Сэм под непривычным действием трех пинт обеденного пива уснул и теперь тихонько похрапывал, вытянув ноги, запрокинув голову и приоткрыв рот. Долл, глазам своим не веря, покачала головой. Собралась было разбудить его пинком по пяткам, но отказалась от этой мысли, предоставила мужу дремать.

“Германская война, – продолжал премьер-министр, – следовательно, подошла к концу. После нескольких лет плотной подготовки Германия напала на Польшу в начале сентября 1939 года и, следуя нашим гарантиям, данным Польше, а также по соглашению с Французской Республикой, Великобритания, Британская Империя и Содружество Наций объявили войну этой гнусной агрессии. После того, как доблестная Франция оказалась повержена, мы – и нашим островом, и всей единой Империей – боролись в одиночку целый год, пока к нам со своей военной мощью не присоединилась советская Россия, а позднее – колоссальная сила и ресурсы Соединенных Штатов Америки. Наконец едва ли не весь мир сплотился против злодеев, и ныне простерлись они перед нами поверженные. Все сердца на этом острове и по всей Британской Империи преисполнены благодарности к нашим

блистательным союзникам”.

Долл поджала губы и вновь закивала в согласии, а Мэри тем временем размышляла о слове “остров”, которое то и дело повторял Черчилль. Никогда о своей стране как об острове она не думала. Это слово напомнило ей о книге, которую тетя Гвен и дядя Джим купили ей на прошлое Рождество. Она называлась “Остров приключений”⁸, и мама рассердилась – она считала, что дочь переросла Энид Блайтон: Мэри уже пошла во взрослую школу, и ей полагалось читать Шекспира, Диккенса и прочих подобных. Но Мэри книжку все равно прочла и получила большое удовольствие. Там говорилось о четырех детях, оставшихся на каникулах с тетей и дядей, жившими в доме на морском утесе рядом со зловещим островом – он назывался Остров Мрака, – чуть ли не все время окутанным туманом. Там происходило много всякого таинственного, что, как в конце концов выяснилось, было делом рук некоей банды, хотя настоящим злодеем оказался слуга детей, черный человек по имени Джо-Джо. В общем, книга захватывающая, и с тех пор слово “остров” всякий раз наводило Мэри на мысль о тайнах и приключениях. Напоминание о том, что и сама она живет на острове, было Мэри приятно.

Премьер-министр приближался к финалу своей речи. В

---

⁸ *The Island of Adventure* (1944) – первая книга в серии “Приключения” (1944–1955) английской писательницы, автора сотен книг для детей Энид Мэри Блайтон (1897–1968).

заключение он сказал:

“Мы можем позволить себе краткую радость, однако ни на миг не будем забывать о трудах и усилиях, что ждут нас впереди. Япония со всем своим коварством и жадностью остается неукротенной. Ущерб, причиненный ею Великобритании, Соединенным Штатам и другим странам, ее отвратительные зверства требуют суда и возмездия. Ныне обязаны мы посвятить свои силы и ресурсы завершению нашей задачи – и дома, и за рубежом. Вперед, Британия! Да здравствует основа свободы! Боже, храни Короля!”

Эти три последние фразы, казалось, были задуманы так, чтобы вызвать громогласную радость, но в тихой, непритязательной гостиной на Бёрч-роуд, Борнвилл, их встретили сдержанно. Долл кивала, Мэри вздохнула с облегчением, когда речь закончилась, а Сэмюэл проспал ее чуть ли не всю. Бросив на него последний укоризненный взгляд, Долл встала и сказала:

– Когда твой отец проснется, сделай ему кофе, будь любезна. А у меня дело. – Она потопала наверх и зашла в дальнюю спальню, чтобы снять светонепроницаемые шторы.

Мэри осталась сидеть, слушала радио. После того как завершилась передача с Даунинг-стрит, началась программа под названием “Колокола и празднование Победы”. Сообщения поступали из многих городов, и все они поразительно походили одно на другое: толпы ликовали, звонили колокола, доносились обрывки песен – от “Выкати бочку” до хора

“Аллилуйя”⁹. Один репортаж вели из центра Бирмингема, всего в нескольких милях от них, но для Мэри он с тем же успехом мог вестись с другого края света: улицы Борнвилла, если не слушать радио, оставались тихи и пустынные, и самым громким звуком в их доме был отцов храп.

Не успела программа завершиться, мама позвала ее наверх. Велела Мэри слезть на чердак и сложить там светонепроницаемую ткань, которую она поснимала со всех окон в доме. Чтобы залезть на чердак, нужно было достать складную лестницу – Сэмово сооружение, которому Долл не доверяла ни свой вес, ни вес вообще кого бы то ни было из взрослых. Мэри охотно взялась за дело, поскольку лазать по чердаку любила. Заодно можно было еще и кое-что проведать. На чердаке, в тесном просвете между водяным баком и скатом крыши, она держала коробочку, в которой хранила то, что звала своими “сокровищами”. Среди них – ее карманные дневники за 1943 и 1944 годы, четырехлистный клевер, найденный на лугу, когда она ездила на ферму Уорден (ферма дяди Оуэна и тети Айви в Шропшире), кусочек шрапнели, подобранный Томми Хантером у него в саду и обмененный на пакет лакричного ассорти, а также фотография Джо-

---

⁹ *Roll Out The Barrell* (1927) – полька чешского композитора Яромира Вейвоты, обретшая особую популярность в годы Второй мировой войны, переведенная на многие языки мира и в дальнейшем многократно использованная в произведениях поп-культуры; в русской традиции называется “Розамунда”. *Hallelujah Chorus* – финальная часть англоязычной оратории “Мессия” (1741) немецко-английского композитора Георга Ф. Генделя.

на Миллза¹⁰ с его автографом – знаменитый актер удостоил Борнвилл своим присутствием в один волшебный день три лета назад, когда навещал Фабрику, чтобы поддержать ее боевой дух. Втащив коробку со сложенной светонепроницаемой тканью по лестнице наверх, Мэри провела несколько счастливых минут в сумраке чердака, разглядывая свои трофеи и размышляя, что бы такого к ним приобщить, но тут послышался стук дверного молотка, а следом леденивший ее душу голос преподавательницы фортепиано – это напомнило Мэри, что день все-таки уготовил для нее этот ужас. Она неохотно спустилась на первый этаж, чтобы встретиться со своим неминуемым роком.

У миссис Баркер, ее преподавательницы фортепиано, было худое угловатое лицо и соответствовавшая ему отрывистая, строгая манера разговаривать. Голос хрипло однозвучный, и уж чего-чего, а музыкальной страсти в нем не заподозришь. Невзирая на это, она питала беспрекословное почтение к великим композиторам, которому исполнение Мэри бетховенской “Экосез” не соответствовало вовсе. Имелись в этой пьесе четыре особенно трудных, ритмически неподатливых аккорда, которые миссис Баркер заставляла Мэри брать вновь и вновь, пытаясь дотянуть усилия ученицы до сколько-нибудь выраженного *рубато*; бедная Мэри, лупя по клавишам, в седьмой или восьмой раз продиралась через них

---

¹⁰ Сэр Джон Миллз (Льюис Эрнест Уоттс Миллз, 1908–2005) – английский актер, снявшийся более чем в ста двадцати фильмах.

и тут, к своему удивлению, увидела в переднее окно, что отец *вновь* уходит – на этот раз в сопровождении человека, которого Мэри не узнала. Они прошли по дорожке через сад и вместе оказались на улице. А потом исчезли из виду. Что бы это значило?

Когда фортепианный урок завершился, миссис Баркер, сурово откомментировав игру Мэри, отправилась на кухню получить оплату. Мэри двинулась следом. Долл склонялась над самой исполинской кастрюлей, ожесточенно помешивая что-то, лоб изборожден яростью и досадой. Заметив миссис Баркер, она изо всех сил постаралась взять себя в руки, и все же улыбка у нее получилась такая, что кого угодно пробрала бы холодом до самых костей.

– Десять шиллингов, как обычно? – спросила она.

– Все верно. Спасибо.

– Надо полагать, – проговорила Долл, протягивая десятишиллинговую купюру с замятыми уголками, – на ужин вы не останетесь?

Вид у миссис Баркер сделался удивленный, а у Мэри – устрешенный. Что это мама удумала?

– Что ж... – Миссис Баркер вроде помедлила, но обе стороны понимали, что эта заминка для проформы. Семьи у миссис Баркер не имелось, и в тот вечер она, вероятно, предвидела одинокую трапезу.

– Хэш из солонины у нас, – сказала Долл. – Любимое Сэмово блюдо. Специально для него делала, но его, похоже,

не будет дома, так что не поест.

– Не захочет? – переспросила миссис Баркер.

– Ушел в паб, – сказала Долл. – *Второй раз* за сегодня.

– Понятно. Что ж, в таком случае... – Она выразительно вдохнула, словно собралась произвести необратимый рывок во тьму, а не просто принять соседское приглашение. – Как это мило с вашей стороны. С удовольствием угощусь хэшем.

– Вот это дело. Стало быть, не совсем уж зря я так старалась. Мэри, накрывай на троих. Сегодня парадные приборы. Из верхнего ящика буфета.

3

Мэри не нравилось есть этими тяжелыми посеребренными ножами и вилками, которые извлекали на белый свет всего раз-два в году, – они всему, к чему прикасались, придавали горький металлический привкус. И все же ужин удался – горячий, вкусный и сытный. Мэри подумала, какая ужасная жалость, что отцу не достанется, и надеялась, что он не очень проголодается. Но, может, пивом наедаешься. Мать с миссис Баркер позволили себе по маленькому, однако неслыханному стаканчику хереса перед едой и сделались прямо-таки болтливы и задушевные друг с дружкой. Оказалось, ее преподавательница фортепиано – не Медуза горгона, за какую Мэри ее принимала, хотя ее присутствие и разговоры сообщали дому ощутимо иной дух. Спроси у нее кто угодно, о чем ее родители разговаривают за ужином, Мэри ответить не смогла бы, пусть и ела с ними каждый вечер; она знала, что родители обмениваются некими словами, сообщают новости, выражают чувства, однако все сказанное казалось таким обыденным, что не проникало в ее сознание совсем, и Мэри считала, что именно таковы все взрослые разговоры. Но миссис Баркер, похоже, это убеждение опровергала. Она произносила вот такое:

– Конечно же, эта страна после войны никогда не будет прежней.

– Вы так думаете? – отвечала Долл, а ее дочь тем временем подмечала в этих двух простых словах – “конечно же” – отголоски разума и житейской мудрости и восхищалась ими. – Но ведь в этом же и был весь смысл воевать – то есть чтобы сохранить то, что мы имели.

– Не только сохранить. Развивать. Строить на этой основе. Долл усомнилась.

– Я просто рада, что все закончилось, – сказала она, – дети наши целы, и сами мы теперь сможем крепко спать в своих постелях.

– Правильно ли я понимаю, – сказала миссис Баркер, накалывая на вилку картофельный кубик и закидывая его в рот, – что вы сами внесли небольшой вклад в помощь фронту? Вы же работали на Фабрике?

– Правильно, – ответила Долл. – Всего несколько месяцев, пару лет назад. Им очень не хватало рук, и они выступили с призывом ко всей деревне. На том этапе они почти всё приспособили для подготовки вооружения. Я на производстве была, помогала изготавливать пули, чеки для ручных гранат, всякое-разное.

– И как вам оно было?

– Ой, работа очень скучная. И все же...

– И все же? – подтолкнула ее миссис Баркер. Глаза у нее выжидательно заблестели.

– Ну, я довольна была, должна сказать. Более чем.

– Вам нравилось бывать с другими женщинами? С други-

ми девушками?

– Да, и это тоже. Но еще, знаете... Разнообразие. Выход из рутины. Конечно, Мэри было трудно. Ей приходилось возвращаться из школы в пустой дом, самой делать себе чай...

– И я была не против, – поспешила вставить Мэри. Это правда. Война породила множество эпизодов, от которых ежилась память: краткая горестная эвакуация в Глостершир, например, или по-своему еще более болезненное посещение кинотеатра в Селли-Оук, где показывали “Пиноккио”, – сеанс прервали из-за воздушной тревоги, и все бросились к выходам, а затем бегство домой, в ужасе, под гул бомбардировщиков “дорнье”. Мэри с тех пор панически боялась и фильма, и сказки. Но те месяцы, когда мама работала на Фабрике, были совсем не такими: Мэри совершенно нипочем были те вечера, когда она приходила из школы в пустой дом, доставала ключ из-под горшка в саду и вступала в обнимавшую ее тишину. Без всякого надзора выполняла домашнее задание, играла что хотела на пианино, слушала радио сколько влезет, мазала варенье на белый хлеб слоем толще некуда. Райское время.

– Вот, пожалуйста, – сказала миссис Баркер. – Дети умеют быть гораздо независимее, чем мы им позволяем.

– Да, но те перемены на Фабрике были временные. Все теперь станет как прежде. Снова будут делать шоколад.

– Естественно. И им по-прежнему будут нужны толковые умные работники. Вы бы всегда могли найти себе там рабо-

ту, если б захотели.

Долл поджала губы.

– Не знаю, как на это посмотрит Сэм...

– Не приятнее было б, если бы на работу вы ходили по утрам вместе, рука об руку? И возвращались бы вместе в конце дня.

Под таким углом образ получался притягательный, без сомнения. Но Долл по-прежнему казалось, что эти соблазнительные предложения имеют мало общего с действительностью.

– Но кому-то же надо смотреть за домом. Это большой труд, между прочим, – содержать его в таком порядке.

– Я в этом не сомневаюсь ни секунды. Но если б вы зарабатывали, разве нельзя выделить часть денег на домработницу? Может, и Сэмюэл мог бы помогать вам с самыми трудными задачами, по выходным.

Тут Долл не смогла удержаться от смеха. То, что показалось практическим предложением, внезапно обернулось чистой фантазией.

– Сэм! Это вряд ли. Он ничегошеньки по дому не делает. И раньше не делал, и дальше не будет. Вот буквально сегодня он час сажал овощи, и потом чуть ли не до конца дня ему надо было отлеживаться.

– Я думала, это из-за пива, – сказала Мэри.

Долл сердито зыркнула, подливая себе воды.

– И от этого тоже.

– Я просто считаю, – продолжила миссис Баркер, – что стоило бы подумать насчет того, чтобы присоединиться к трудящимся, раз война закончилась. Мне известно, что многие мои подруги – все они замужние женщины – это обдумывают. Возможно, окажется, что это добавит вашей жизни удовлетворения. Что же до мистера Кларка... – Она снисходительно улыбнулась. – Не судите его сегодня слишком строго. Это неповторимый повод, миссис Кларк. Действительно красный день календаря. По-моему, всем женам Британии стоит на несколько часов спустить мужей с поводка.

– *Кто* это был вообще? – спросила Мэри до того, как мать собралась ответить миссис Баркер.

– Ты о ком?

– Тот, с кем папа ушел только что в паб – во второй раз.

– Это мистер Агнетт, – ответила Долл. – Фрэнк Агнетт. Из друзей твоего отца, с работы.

– А! Как ни забавно, я знакома с Агнеттами, – сказала миссис Баркер. – Они живут в Лонгбридж-Эстейт, да? По соседству с одной из моих сестер, так вышло. Вы с ними близко дружите?

– Да не то чтобы. На работе Фрэнк Сэму очень даже приятель. Они вместе играют в снукер, ну и прочий сыр-бор.

– Славная они пара, – сказала миссис Баркер. – Бедной миссис Агнетт, боюсь, не очень-то легко приходилось последние годы. – Ни Долл, ни Мэри, похоже, не поняли, что она имеет в виду, и она добавила: – Миссис Агнетт наполо-

вину немка. По отцовской линии. С соседями ей поэтому было непросто.

– Я не знала, – сказала Долл. – До чего несправедливо. Она же не виновата, что у нее отец немец, верно?

– Именно. Но не все такие понятливые, как вы, миссис Кларк.

За этим комплиментом последовало веское молчание. Затем миссис Баркер глянула на свои наручные часы и сказала:

– Что ж, совершенно неожиданное вышло угощение, но мне пора. Почти пора в церковь.

– В церковь? – растерянно переспросила Долл. – Во вторник?

– Да. Преподобный Чэпмен дает особую службу. Вы не слышали?

– Нет, мне никто не сказал.

– Может, желаете сходить?

– Конечно, – сказала Долл, рьяно вскакивая. Возможность посетить церковь она не упускала никогда. Она обожала это в той же мере, в какой другие женщины любили бегать в киношку. – Мэри, надевай шапку и пальто.

– Мне тоже надо? – переспросила Мэри, и от одной этой мысли сердце екнуло. Ужасный поворот. Отчаявшись, она выступила с безрассудным предложением: – Может, я лучше останусь дома и помою посуду?

– Посуда подождет, – сказала Долл. – Помоешь, когда вернемся. Как раз должно хватить времени перед речью Короля.

Вместе они быстро убрали со стола, натянули пальто и в едином суматошном порыве вышли из дома, Долл едва не забыла запереть входную дверь, а Мэри тащилась позади взрослых, стремительно шагавших по Бёрч-роуд, так не терпелось им вознести благодарность Богу, наконец освободившему их от германского зла.

К без пяти девять в “Большом камне” сделалось довольно шумно. В баре-салоне семидесятилетний пианист Алберт уже некоторое время назад истощил весь свой репертуар и теперь, казалось, вновь и вновь наябривал “Выкати бочку”, но всем хоть бы что: было в той песне что-то такое, благодаря чему публика от нее не уставала, – а может, дело просто в том, что все уже так напились, что распевали всякую мелодию и любые слова, какие приходили в голову, что бы ни играл пианист. Между тем середину общего бара расчистили от стульев и столов, и там происходило некое подобие танцев: кто-то установил переносной граммофон, и пара десятков завсегдаево вдохновенно отплясывали джиттербаг, хотя ненадолго пришлось остановиться, когда двое старейших танцоров запутались в гирлянде красных, белых и синих флажков, оборвавшейся и повисшей опасно низко над полом. Один из участников той пары – супруг – споткнулся и рухнул, создав эффект домино, приведший к тому, что семь или восемь танцоров тоже оказались на полу в визгливой путанице рук и ног. Старика, ставшего причиной этой кучи-малы, придавило привлекательной двадцатиоднолетней дамой, и положение это никакого неудовольствия в нем не вызывало, пока дама, миролюбиво смеясь, не освободила его от себя и не поставила его же на ноги, а через несколько секунд они

вновь давали джиттербага – на сей раз парно, пока не вмешалась жена и не вытребовала мужа обратно. Наблюдая за развитием этой супружеской комедии, бесновавшиеся танцоры улюлюкали и ревели от одобрительного хохота.

Вдали от этого разгула буйного веселья Фрэнк и Сэмюэл сидели друг против друга в приватном баре – маленьком, обитом деревянными панелями, прокуренном закутке рядом с баром-салонном, но от него вполне отдельном. В этом укромном пространстве, конечно, слышно было состязание Албертова фортепианного музицирования и пронзительного воя граммофона, но и то и другое приглушалось, а потому едва ли слишком мешало беседе – или не мешало бы в любом случае, если б та не исчерпалась и не сошла на нет. Фрэнк был и в лучшие времена немногословен, а у Сэма под действием четырех или пяти пинт, которыми он успел закинуться по прибытии, веки начали тяжелеть – второй раз за тот день. К счастью (наверное), пиво в пабе кончилось примерно три четверти часа назад, и, вместо того чтобы перейти на что-нибудь рюмочное, эти двое держались все это время за свои пустые стаканы. Табак и сигареты успешно заполняли пустоту.

Как бы то ни было, отвлечение все-таки возникло. Алберт прервал игру. Граммофон заглушили. За стойкой хлопнул в ладоши и призвал к тишине хозяин паба Том. Его сын и кто-то из друзей взгромоздили тяжелый приемник на полированную деревянную столешницу бара, включили. Танцоры

прекратили плясать и расселись по местам, какие нашлись, а кто-то прокричал:

– Король! Король! – и разговоры быстро иссякли почти совсем. Донесся лишь редкий приглушенный ропот – от тех, кто не был роялистом или просто не желал прерывать возлияния.

– Не хочу я слушать это чертово радио, – громко пробурчал кто-то.

– Это же Король, приятель! – отозвался другой завсегда-тай.

– К-к-к-к-король! – подал голос кто-то еще, жестоко передразнивая знаменитое монаршее заикание. Раздался шумный смех, а также осуждающее цыканье и возглас:

– Как не стыдно!

Предыдущая передача еще не завершилась, и пока она тянулась, болтовня присутствовавших вновь стала набирать обороты. Через минуту-другую разговоры сделались такими громкими, что заглушили голос диктора Би-би-си, потонули и первые слова Короля, начавшего свою сухую торжественную речь.

– *Тс-с-с-с-с-с-с-с-с-с!* – зашелестел всеобщий шепот по всему салону, и трепаться прекратили мгновенно – за вычетом женщины, продолжавшей стрекотать над своим джином с лаймом, пока свирепый лысый мужик за соседним столом не гаркнул:

– Фэнни, Его Величество говорит. Имей уважение, закрой

хлебало в кои-то веки.

Послышались смешки и улюлюканье, а затем слово в “Большом камне” дали Королю.

“Сегодня мы благодарим всемогущего Господа, – начал он, – за великое... освобождение. (Пауза перед “освобождением” была мучительной и многих слушателей вынудила смущенно и сочувственно поморщиться.) Вещая из старейшего столичного города нашей Империи, войной потрепанного, однако ни на миг не сломленного и не поверженного, – вещая из Лондона, я прошу вас присоединиться к моей благо...” – Казалось, до второй части слова он не доберется никогда.

– Ну же, приятель, давай! – вскричал кто-то, и Король словно услышал его: преодолевая треск радиоволн, его губы смогли вылепить наконец три финальных слога:

“...дарности”.

По залу разнесся вздох облегчения.

Затем Король, похоже, собрался, и в речи его прибавилось уверенности.

“Германия, – продолжил он, – враг, втянувший в войну всю Европу, наконец побежден. И все же на Дальнем Востоке нам еще предстоит разбираться с японцами, недругом настойчивым и жестоким. На это должны мы обратить всю свою решимость и все наши ресурсы. Однако в этот час, когда устрашающая тень войны оставила наши сердца и дома на этих островах, мы можем наконец отвлечься – ради

благодарности и чтобы обратить наши мысли к задачам, какие предстоят всему миру вслед за победой в Европе”.

– Вот где мой Дэвид – в Японии, – пробубнил кто-то. – Бог знает, что эти мерзавцы с ним сейчас вытворяют. – А затем громче, чтобы всем было слышно: – Блядские япы! Хуже сраных фрицев!

– Эй! Потише ты! – одернул его Том из-за бара. – И за языком следи при дамах да когда Король говорит.

Однозвучный же монолог катился себе дальше, теперь неостановимый.

“Задумаемся, что именно поддерживало нас все эти почти шесть лет страдания и опасности. Знание, что все поставлено на карту – наша свобода, наша независимость, само наше существование как народа, – но вместе с тем и знание о том, что, защищая себя, мы защищаем свободы всего мира, что наши цели – цели не только этой нации, не только Империи и Содружества, но и каждой страны, где ценят свободу, а законность и право выбора неотделимы друг от друга. В чернейшие часы мы знали, что порабощенные и разделенные народы Европы полагаются на нас, их надежды были нашими надеждами, их уверенность укрепляла и нашу веру. Мы знали, что, если не справимся, рухнет последняя преграда на пути мировой тирании”.

– “Наши цели, – повторил Фрэнк, – цели не только этой нации”. Хорошо сказал, это точно. Моему тестю понравилось бы. Как думаешь? Хорошо же сказано, а?

Но Сэм толком не слушал. Голос Короля его раздражал – не заикание, а вот эти манерные, сплюсненные гласные английских высших классов, звучавшие для Сэма иностранной речью. Как бы ни пытался, не мог он понять, почему все (включая его жену, голосовавшую, как и он сам, за лейбористов) выказывали столько почтения и пиетета этому скучному человеку и его избалованной семье.

“Есть большое утешение, – продолжал Король, – в мысли о том, что годы тьмы и опасности, в которых выросли дети нашей страны, завершились, слава Богу, навсегда. Мы проиграем, а кровь дражайших наших окажется пролитой впустую, если победа, ради которой они погибли, не приведет к устойчивому миру, основанному на справедливости и доброй воле”.

– Вот-вот! – вскричал Сэм, все же ощущая, что должен из вежливости к своему другу-роялисту выказать какое-никакое согласие, и решил, что со словами “мир”, “справедливость” и “добрая воля” соглашаться можно запросто, не поступаясь при этом своими принципами.

“К этому, следовательно, обратим наши мысли в сей день заслуженного торжества и гордой скорби, а затем вновь примемся за работу, исполненные решимости, все как один, не совершать ничего недостойного тех, кто погиб за нас, и сделать этот мир таким, какой желанен их и нашим детям. Такова задача, с которой мы теперь связаны честью. В час опасности мы смиренно вверили цели наши в руки Бо-

жьи, и Он был нам и силой, и защитой. Возблагодарим же за милосердие Его и в этот час победы вверим себя и новую свою задачу водителству той же сильной руки”.

Вновь возникла долгая пауза, самая протяженная, и до безмолвных слушателей постепенно дошло, что речь завершилась.

– Гля... справился, – произнес кто-то.

– Молодец! – воскликнул кто-то еще, заскрежетали по полу стулья, и все воздвиглись на ноги: из радио полился государственный гимн. С пылом и чувством выводили все эту помпезную мелодию, и еще до конца первого куплета в глазах у большинства уже стояли слезы. И тут Сэм бросил встревоженный взгляд на часы, нетерпеливо потеревил Фрэнка за руку и сказал:

– Я сказал Долл, что мы с ней встретимся в четверть. Сейчас почти столько. Я как пить дать не успею.

– Я с тобой, – сказал Фрэнк. – Мои тоже в Роухит собираются.

Они поспешно набросили пиджаки и принялись проталкиваться сквозь толпу в салоне. Пели теперь вразнобой и немного невпопад, но тем не менее с большим чувством. Слова в последних куплетах знали немногие, а потому импровизировали или же повторяли и повторяли первый куплет. Сэм задумался, долго ли публика пробудет в пабе – речь уже прозвучала, да и пиво кончилось. Костер в Роухите может оказаться развлечением популярнее. Сэм заметил, что

не они одни уходят.

Освеженная и приободренная не только словами преподающего Чэпмена, но и самим получасом, проведенным в церкви, Долл добралась домой с лучезарным блеском в глазах, который не смогло погасить даже запинчивое снотворное выступление Короля по радио. Затем они с Мэри вновь набросили пальто, заперли дом и влились в толпу, направляющуюся к костру. Ближе к концу дня прорезалось солнце, и наступил теплый приятный вечер со все еще остававшейся в небе легчайшей синевою. Повернули на Вудбрук-роуд и далее двинулись вверх по склону к игровым полям, и Мэри не могла не заметить, что некоторые улицы приложили гораздо больше усилий, чтобы отметить сегодняшнее событие, чем ее улица. Между деревьями на Торн-роуд висели гирлянды британских флажков, а на следующей улице на мостовой расставили столы на козлах и лавки, кругом сплошь остатки пирогов и сэндвичей, соседи сидели компаниями, болтали и тянули последнее пиво из бутылок, распевая время от времени куплеты песен. Почему, размышляла Мэри, ее улица обязательно такая тихая и сдержанная, почему этой улице вечно нужно производить впечатление превосходства и считать такие вот празднования несколько ниже собственного достоинства? Заметила она и свет, лившийся из всех окон. Мало кто задернул шторы, и после стольких лет глухих занавесей

– прошлого, тянувшегося сколько она себя помнила, еще со времен до шестого ее дня рождения, – упоительно диковинным было теплое свечение всех этих огней, со всех сторон, каждый слегка отличался от прочих лучистостью и силой. А на игровых полях света будет еще больше, еще больше тепла. Костер и фейерверки. Мэри крепко стиснула материну руку, смакуя предвкушение и поживаясь от охватившей ее дочерней нежности.

Отец ждал их, как и договаривались, на углу Хит-роуд и Селли-Оук-роуд. Не один. Рядом с ним стоял человек, с которым Сэм ушел в паб, а еще женщина и пара сильно постарше. Мать с отцом при встрече не поцеловались и не обнялись. Совершенно не в их привычках было такое. Долл оглядела мужа с головы до пят – заметила слегка набрякшие веки, едва заметное покачивание тела – и, делая собственные выводы о его состоянии, неодобрительно цокнула языком и стала ждать, пока ее представят незнакомцам. Поскольку Сэму это оказалось невдомек, последовало многосекундное молчание, прежде чем Фрэнк протянул руку и сказал:

– Здравствуйте, миссис Кларк. Вы же не знакомы с моей женой Бертой, верно? А это... – Фрэнк повернулся к пожилой паре, – мистер и миссис Шмидт. Мать и отец Берты.

– Очарована, без сомнения, – произнесла Долл и едва не присела в книксене, до того внушительной была фигура высокого сумрачного мужчины, пожавшего ей руку и слегка по-

клонившегося. На нем был черный “хombург”, который он приподнял, поклонившись и явив высокий лоб и негустую путаницу беловатых волос. Носил он безукоризненно подстриженные усы, костюм-тройку в тонкую полоску, а также серебряные часы на цепочке, безупречным полукругом свисавшей из жилетного кармана. Впрочем, при всей его величественности общие взгляды притягивала его супруга. Была она ростом почти с него и вдвое шире. Эпитеты “дородная” и “крепко сбитая” не отдавали должного этой громаде, закутанной в бесформенное кашемировое пальто и увенчанной шляпой-колоколом – этим символом кокетливой женственности, ей совершенно не шедшей. Она держала мужа под руку, словно кошка в когтях – беспомощную мышь, и смотрела на него с пылом, в котором перемешивались обожание и лютое собственничество.

Вся их компания устремилась через ворота на игровые поля и принялась протискиваться сквозь толпу, пытаясь подобраться ближе к костру, ярко горевшему поодаль. Фрэнк с женой высматривали своего сына Джеффри – он должен быть где-то тут. Мэри надеялась, что парнишка окажется приветлив, поскольку уже затосковала по детскому обществу, но когда они его наконец нашли, разочаровалась: Джеффри и впрямь выглядел приветливым, но был гораздо старше нее, чтобы с ним задружиться. Шестнадцать, а то и семнадцать лет, по крайней мере. Он был с компанией молодых людей его возраста или даже старше, и, что еще хуже,

большинство их выпивали. В руках у них были бутылки пива, а также здоровенная бутылка виски, которую они передавали по кругу. Джеффри действительно выглядел юношей застенчивым и тихим, и, казалось, ему неловко в компании этих друзей или приятелей. Высокий и голенастый, плечи покатые, как у молочной бутылки, он держался в нескольких шагах от них, словно бы его раздирало между отчужденностью и желанием быть замеченным и принятым. Вожак же группы выделялся тем, что шуму от него было больше, чем от всех остальных, говорил он чаще и настырнее, а также имел более развязные повадки; звали его, как Мэри впоследствии узнала, Нил Бёркот. И нескольких секунд не прошло после того, как она оказалась рядом с этой буйной ватагой, а он уже улюлюкал и подначивал кого-то из новоприбывших.

– Гля, ребятки! – заорал он, перекрикивая шум толпы и шарманки. – Вы гляньте на это! Гляньте на Кеннета! – Имя он произнес медленно, подчеркивая чопорный выговор. – Гляньте, как нарядился. Эй, Кенни, ты что затеял? Явился на блядский костер с фасонистой ленточкой на шее!

– Привет, Нил, – отозвался предмет этого комментария с подчеркнутой учтивостью. – Я решил, что повод особый и заслуживает усилий. Следи за языком, кстати. Тут дамы и дети.

Между этими двумя явно ощущалась некая история вражды, поскольку в ответ на отповедь Нил мгновенно зашагал к Кеннету, вперившись ему в лицо, а затем, взявшись за иг-

ривый ярко-желтый шейный платок, красовавшийся на Кеннете, презрительно сдернул его набок и произнес:

– Слишком уж выдаешь себя, Кенни. Мы всегда считали тебя бабой. А теперь знаем наверняка.

Кеннет сказанным пренебрег и двинулся поприветствовать кого-то еще из той же компании, кто (под недобрым взглядом Нила) тепло пожал Кеннету руку и сказал:

– Привет, Кен, ты, значит, дома теперь?

– Да. На прошлой неделе вернулся.

– Триполи, верно?

– Некоторое время там, да. Последнее расположение было в Риме.

– Италия, э? Небось повидал всякое. Есть что порассказать, сдастся мне?

Кеннет улыбнулся.

– Сберегу для мемуаров.

Мэри внимала всему этому разинув рот. Думала, что человек этот – наверняка необычайно храбрый, раз побывал в таких далеких краях и сражался за свою страну. А еще он был очень хорош собой, и Мэри *восхитил* его желтый шейный платок. С ним Кеннет смотрелся невероятным франтом, а тот второй парень, так грубо с платком обошедшийся, сделался ей отвратителен.

– Орехи! – вдруг вроде бы ни с того ни с сего объявил Фрэнк. Его жена Берта глянула на него изумленно – как и Долл с Сэмом. – Там вон человек орехами торгует, – показал Фрэнк.

энк пальцем. – Жареный соленый арахис. Пойду возьму пакетиков. Кто хочет?

– Фрэнк, – произнес его тесть, роясь в брючном кармане в поисках мелочи. – Нечего тебе платить за нас всех. Позволь мне внести свой вклад.

– Чепуха, опа. Горсть орешков меня совсем не разорит. – С этими словами Фрэнк отправился добывать лакомство.¹¹

Для Мэри в этом обмене репликами самым поразительным показалось одно – выговор мистера Шмидта. Она, конечно, помнила, что он немец, но почему-то не ожидала, что речь у него будет *звучать* по-немецки. Или, во всяком случае, не столь мощно и несомненно по-немецки. И не одна она это заметила: Нил Бёркот, заслышав мистера Шмидта, вперил в него настырный взгляд.

– Ты знаешь этих людей, дорогой? – спросила Берта Агнетт у сына, пока та компания нежелательных личностей дурачилась, болтала, выпивала и спорила, – такое поведение к антиобщественному не отнесешь, и все же казалось, что оно все время на грани. – Наверняка же хороших школ они не оканчивали.

– Кое-кто оканчивал, – сказал Джефффри. – Вот *он* (показывая на Нила) на три класса старше меня учился, пока его не выгнали.

– Понятно.

– Просто настроение хорошее, – сказал мистер Шмидт,

---

¹¹ Дедушка (нем., разг.).

предлагая Нилу улыбку, – она была замечена, однако осталась без ответа. – Не это ли сегодня главное?

Дочь его в этом, судя по всему, сомневалась. Жена стиснула ему руку с такой силой, что он поморщился.

И тут по толпе пробежала рябь – медленное крещендо зачарованности: раздался первый залп фейерверков, и через несколько секунд иссиня-черное небо взорвалось шумом и светом. В воздух взмыло попури из ахов и вздохов. Фейерверки стреляли и стреляли, Мэри глядела на отца и думала, что замечает в его глазах нечто незнакомое – некое двойное зрение, словно он внимает зрелищу, но в то же время вспоминает что-то еще. Много лет спустя, уже состарившись, она сохранит отчетливую память о его тогдашнем непроницаемом лице и станет гадать, думал ли он о других ночных небесах, какие видел в предыдущие несколько лет с высокой крыши Фабрики, о черноте, исчерканной крест-накрест прожекторами, о гуле самолетов над головой, о городе, сотрясавшемся от грохота бомбежек и противовоздушного огня, о разоренном городском пейзаже, испещренном пожарами повсюду, докуда хватало взгляда. И вот они, эти другие, безопасные взрывы и каскады света, и хвосты жара и огня, в чем-то похожие на праздничную пародию всего того, что отцу, наверное, довелось увидеть. В послевоенные годы трудно было сказать, возвращался ли он в мыслях к тем долгим ночам, к тем авианалетам. О них он не говорил никогда. Но странно: Мэри навсегда запомнила мимолетную загадоч-

ность любимого и знакомого отцова лица в ту ночь куда живее, чем то, что случилось потом, хотя то, что случилось потом, было гораздо более захватывающим.

Неприятности начались, когда объявилась еще одна компания молодежи – она протолкалась сквозь толпу и приблизилась к костру. Вроде то были друзья Нила, поскольку, проходя мимо, проорали ему что-то приветственное. Кто-то из них толкал тачку с грубо сработанным чучелом – что-то примерно похожее на человеческую фигуру, гротескное туловище, усаженное более-менее торчком. Ни с каким человеком, живым или мертвым, чучело сходства не имело, однако определялось безошибочно, поскольку на потрепанном пиджаке, наброшенном на туловище, красовалась нарукавная повязка со свастикой, а посередине яйцевидного лица, какие сняты в страшных снах, под носом, изображаемом прищепкой, виднелись маленькие квадратные усы, изготовленные из щетины выброшенной метлы или щетки. Как только люди осознали, кого это чучело должно изображать, оно вызвало всплеск насмешек и улюлюканья, и те достигли пика, когда тачка добралась до места назначения и ее содержимое швырнули в огонь. Германский канцлер тут же вспыхнул, а толпа – особенно та часть, которая была рядом с Мэри и ее семьей, – принялась бесноваться. Послышались вопли “Жечь его! Жечь мудака!”, отчего мистер Шмидт возвысил голос и произнес:

– Господа, ну правда! Держитесь хоть каких-то приличий

в присутствии этих юных дам, если можно!

Возможно, из себя их вывел особенно этот призыв к приличиям, но тут Нил слетел с тормозов. Он ринулся к мистеру Шмидту, размахивая уже пустой бутылкой из-под виски.

– Карл, берегись! – возопила его жена, однако и это оказалось ошибкой.

– Как, говорите, звать его? – процедил Нил. – Карл – немецкое же имя, а? Муж у вас немец, что ли? (Пожилая пара не ответила.) Ну и? Ты фриц или как?

– Я натурализованный английский гражданин, – начал мистер Шмидт. – Я живу в этой стране больше...

– Ты блядский фриц, вот ты кто, – отрезал Нил. – И у тебя хватило наглости явиться сегодня сюда, когда вы последние пять лет бомбили нас в говно и убивали наших парней за границей.

– Я к этому не имею никакого отношения, – стоял на своем мистер Шмидт. – У меня... – Но продолжить ему не дали.

Почти ничего из того, что случилось дальше, Мэри не запомнила. Звон разбитого стекла, внезапный полный разворот и исчезновение Нила (они с дружками удрали), а затем мистер Шмидт – на земле, из раны на лбу течет кровь, рану бинтует Кеннет, сняв с себя желтый шейный платок и сделав из него импровизированную повязку. Все дальнейшее Мэри забыла. Никаких воспоминаний о том, как она оказалась дома, никаких воспоминаний, как тот самый желтый платок попал к ней домой вместе с ней, никаких воспоминаний, как

она подобрала его с земли, что, вероятно, произошло посреди сумбура и суматохи. Но наутро платок нашелся в кармане ее платья. Клок переливчатой желтой ткани, теперь испятнанной засохшей кровью, сложившейся в абстрактные узоры по всей длине платка.

Рана, как выяснилось, оказалась не опасной. Мистер Шмидт был скорее оглушен, нежели ранен. Его семья не смогла уговорить его подать в суд. Он не хотел никакой шумихи, желал лишь оставить всю эту историю позади. Они очень старались его переубедить, но все впустую. Старик он был упрямый. Долл и Сэмюэл, узнав эти новости от Фрэнка несколько дней спустя, пожали плечами и сказали, что это превеликая жалость, поскольку такое хулиганье должно быть наказано, однако выбор за мистером Шмидтом. Далее детали той истории постепенно сгладились и размылись, она заняла свое место в мифологии Фрэнка, Берты и остальной их родни в виде расплывчатой и всеми одобренной версии, в которой на выручку своему деду пришел Джеффри. И только Мэри помнила эту историю по-другому – но кто бы поверил впечатлительной девочке? – и дорожила своим воспоминанием о героизме и отваге Кеннета, доказательство которым в виде окровавленного шейного платка она хранила у себя, прятав на чердаке вместе с четырехлистным клевером, подписанной фотокарточкой Джона Миллза и всеми остальными своими детскими сокровищами.

Событие второе

Коронация Елизаветы II

2 июня 1953 года

1

После того как наладчик ушел, Сэм позвал Долл в гостиную, и минуту-другую они стояли, держась за руки, и с безмолвной гордостью глядели на поразительный новый предмет в углу. Простой дизайн, состоявший из двух половин: верхняя – 17-дюймовый экран, бледный зелено-серый и слегка выпуклый, нижняя – короб с динамиком в нем и двумя бакелитовыми ручками на решетке, громкость и настройка. Между верхней и нижней половинами шла полоска из черной пластмассы, а по центру красовалась заглавная буква “Ф”, означавшая, что этот телевизор произвела манчестерская компания “Ферранти”¹². Этот стильный прибор был тем, что, судя по всему, было необходимо, чтобы получить доступ к волшебному царству, куда в последние годы устремлялось все больше британцев, – в сообще-

---

¹² *Ferranti International* – британская фирма, начавшая в 1885 году производить генераторы переменного тока и вплоть до банкротства в 1993 году торговавшая электрическим оборудованием.

ство телевизионных зрителей. Теперь и Сэм с Долл смогут приобщиться к старому доброму варьете в лондонском театре Столла, посмотреть выступления модной танцевальной труппы “Телевизионные топ-звезды” в “знаменитейших лондонских светских местах”, понаблюдать за скачками в Кемптон-парке и за женским хоккеем на стадионе “Уэмбли”, посетить экскурсию по “Историческим домам Англии”, познакомиться с “Обзором разведения кур на ферме” и, посмотрев “Королевскую иву”, выяснить, как изготавливают крикетные клюшки¹³. Долл сможет получить “практическую помощь домохозяйке” от Джоан Гилберт в передаче “По дому”, а Сэм – перенять политическую мудрость ведущих программы “В новостях”, вместе же они пополнят свои знания благодаря популярной викторине “Животное, растение, минерал?”¹⁴. А в те продолжительные часы дня, когда телевиде-

---

¹³ Театр Столла (1916–1957) – последнее развлекательное заведение в здании XVII в. на Вер-стрит, театр, а впоследствии кинотеатр, обустроенный театральным антрепренером Освальдом Столлом. *The Television Toppers* – женская танцевальная труппа, выступавшая преимущественно по телевидению с начала 1950-х до второй половины 1970-х в различных развлекательных программах. *Historic Houses of England* (1950–1953) – документальный исторический сериал на Би-би-си, каждая серия длилась 12 минут. *Poultry on the General Farm* – познавательный телевизионный 18-минутный фильм о птицеводстве. *King Willow* – судя по всему, речь о телерепортаже с Ноттингэмской фабрики, производившей биты для крикета, хотя репортаж этот состоялся позже, в мае 1953 года; “королевская ива” – идиоматическое название крикета, поскольку крикетные биты обычно изготавливают из ивы.

¹⁴ *About the Home* (1953–1958) – еженедельная телепрограмма для женщин, посвященная советам по экономному ведению хозяйства и уловкам по сбережению

ние Би-би-си не показывало вообще ничего, телевизор можно было скрыть: палисандровые дверки закрывались, пряча за собой экран и динамик, и снаружи все это выглядело как добротный коктейльный шкафчик. Долл эта часть устройства нравилась больше всего, и она провела несколько блаженных часов, экспериментируя с тем, как выглядят на телевизоре всевозможные вазочки и цветочные композиции. Финальное решение, как ей казалось, смотрелось наиболее привлекательно. Вам и в голову не придет, что там телевизор. К сожалению, такого нельзя было сказать об их доме, теперь обезображенном громадной уродливой телеантенной, ужасно портившей опрятный силуэт крыши и щипца. Долл умоляла Сэма придумать что-нибудь, но он заверил ее, что тут ничего не поделаешь: антенна должна быть в точности на том месте и именно под таким углом, никак иначе.

Долл отправилась на кухню баюкать свое горе в обычном для себя насупленном молчании, Сэм вышел наружу – еще раз поглядеть на оскорбительное уродство из сада перед домом. Сам-то он не понимал, из-за чего жена так расстроилась. Антенна очень бросалась в глаза, это правда, но были

и починке хозяйственных предметов; с конца 1950-х британского потребителя начали активно призывать поддерживать экономику покупкой новых вещей, и передача отошла в прошлое. Джоан Гилберт (1906–1991) – звезда британского радио и телевидения. *In the News* – старейший телевизионный новостной обзор на Би-би-си, выходит с весны 1950 года. *Animal, Vegetable, Mineral?* (1952–1959) – телевикторина с участием археологов, историков искусства и специалистов в естествознании, которым предлагали определить интересные предметы из британских и зарубежных музеев и университетских коллекций.

в ней и красота, и современность. Ее сверкающий металл и острые углы сообщали всему свету: да, мы живем в изысканном доме, вместе с тем мы новые елизаветинцы, вливаем в 1950-е на волне технологических перемен. И чего Долл противится? За три года до этого, в декабре 1949-го, на холме рядом с Саттон-Колдфилдом установили исполинский телепередатчик, милях в десяти отсюда, и до того важной новостью это сочли, таким научным чудом, что люди специально ездили посмотреть на него – настоящую семейную экскурсию устраивали на целый день. Среди таких были и они с Долл и Мэри – и пусть Долл вроде бы не очень-то восхитилась возникшей перспективой и не очень-то поразились, увидев сам передатчик, их поездка (по его воспоминаниям) оказалась памятной. Сэм огорчился, упустив “Фестиваль Британии”. Он бы хотел свозить семью в Лондон, посетить Саут-Бэнк, осмотреть “Купол открытий” со всеми его многочисленными и разнообразными научными экспонатами и, конечно, “Скайлон”¹⁵ – чудесную сигароподобную скульптуру, закрепленную стальными кабелями так, что она

---

¹⁵ *Festival of Britain* (лето 1951 г.) – собирательное название национальных выставок, прошедших по всей Великобритании; был организован правительством, чтобы вдохновить нацию в послевоенный период и поддержать развитие науки, техники, промышленного дизайна, архитектуры и искусства. “Купол открытий” – временное выставочное сооружение в Лондоне, спроектированное архитектором Ралфом Таббзом для Фестиваля Британии на южном берегу Темзы, ныне на этом месте расположен Юбилейный сад. “Скайлон” – футуристический стальной объект рядом с “Куполом открытий”, ставший одним из ключевых символов фестиваля.

словно бы висела над Темзой. Уговорить Долл и Мэри на эту поездку ему почему-то не удалось, пришлось довольствоваться чтением обо всем тамошнем в газетах, но Саттон-Колдфилд был куда как ближе, а передатчик впечатление производил по-своему столь же сильное, как и “Скайлон”, насколько представлял себе Сэм. Благодаря новой телевизионной антенне Сэм чувствовал связь с передатчиком, а через него – с Радиовещательным центром в Лондоне, и Борнвилл уже не казался отрезанным от большого мира. Было у Сэма это сильное чувство, что людей по-новому сблизили эти электромагнитные волны, разбегавшиеся из столицы во все города, деревни и поселки страны. А потому не станет он снимать антенну с крыши – и менять ее положение так, чтобы она меньше бросалась в глаза, тоже не будет. Это сила прогресса – и сила единства. Сила добра.

2

Джефффри начал ухаживать за Мэри осенью 1951-го, когда она еще училась в школе. Каждое утро они ехали одним и тем же автобусом, Мэри – к себе в школу, Джефффри – в студгородок. В то время Джефффри было двадцать два, а Мэри – семнадцать. Вел он себя с ней по-джентльменски учтиво, ничего дерзкого, никаких заигрываний. В основном они просто разговаривали, но и тогда ни о чем серьезном речь не шла. Обычно о спорте, поскольку оба с ума сходили по теннису. Мэри выросла и стала хорошенькой спортивной девушкой. Как-то удался ей этот непростой фокус – при широких плечах и в целом при сильном, мускулистом торсе сохранить силуэт песочных часов, изящество и утонченность в движениях, что привлекало внимание многих мужчин вокруг, не только Джефффри. Она была капитаном школьной команды по лакроссу, звездой школьного тенниса, а недавно записалась в юношескую секцию теннисного клуба в Уили-Хилле. Едва прослышав об этом, Джефффри тоже записался. Они играли вместе два-три раза в неделю, по выходным дням и вечерами, когда хватало света. Игра их, как это часто бывает, отражала их натуры: Джефффри – неспешный, осмотрительный, разумный и изобретательный в ударах по мячу, однако ему мешала нерешительность; Мэри – полная противоположность: сильная, быстрая, порывистая, она всегда ис-

кала скорейшее и самое действенное решение любой задачи, не предаваясь никакому анализу и не оглядываясь на собственные ошибки. Джеффри и Мэри в некотором роде дополняли друг дружку, мешкотность Джеффри уравновешивала недостаток вдумчивости у Мэри. После игры они пили лимонад или лаймовую газировку в клубной комнате и вели увлеченные непринужденные разговоры. Поначалу Джеффри пытался говорить с ней о своей учебе, но оба осознали, что для Мэри его рассказы – темный лес. Она стремительно, одним чутьем понимала свои пределы, знала, что способна понять, а что – не способна совсем, и о том, что понять была не способна, она не желала слышать. Ей достаточно было знать, что Джеффри изучает античку, очень умен и пишет диплом по Вергилию, а может, по Овидию, без разницы, – и в тех очень редких случаях, когда рассказывал о своей двухгодичной травме недавней воинской повинности, Джеффри утверждал, что выжил, коротая в казарме вечера за переводами из “Оливера Твиста” и “Николаса Никлби” на латынь.

Другие члены клуба так привыкли видеть Мэри и Джеффри вместе, что все решили, будто они пара, еще до того, как сами они поняли, что ею стали. А потому участнице клуба по имени Джейн Сандерз в один прекрасный день – в июле 1952 года – показалось естественным предложить сыграть пара на пару.

– Из Лондона приезжает на день-другой мой брат, – сказала она, – мне нужно чем-то его занять, вот я и подумала,

не притащить ли его сыграть в пятницу вечером. Давайте с нами? Мне кажется, пары у нас вполне равные по силам.

– Интересно, какой у нее брат, – сказала Мэри, когда они с Джеффри катили на велосипедах домой в тот день. Для нее вот это “из Лондона” предполагало утонченность несусветной высоты.

– Кеннет? Я с ним немного знаком, – отозвался Джеффри. – В одной школе учились, он года на два-три старше. Вряд ли ты помнишь, но он был тогда на вечере Дня победы. Там с моим дедом еще случилась заварушка.

Мэри – она бы лично применила слово покрепче “заварушки” – поневоле взбудоражилась от мысли, что ей вновь предстоит увидеться с героем того вечера. По крайней мере, она считала его героем. О том вечере у нее осталось совершенно смутное и ненадежное воспоминание – семь лет прошло все-таки, – и тем не менее ей не давало покоя то, что она никак не могла вспомнить, какую роль во всем этом сыграл сам Джеффри. Конечно же, толпа изрядная, недостатка в желающих предложить мистеру Шмидту помощь или прогнать виновных прочь не ощущалось, однако недоумевала она потому, что участия Джеффри она не помнила совсем. Быть может, он просто был слишком неспешен в действии, как это часто случалось на теннисном корте. Но, как ни крути, это ж его дедушка... Вот что во всем этом было странно.

Когда пришло время их матча против Джейн и ее брата, они их переиграли так, что любо-дорого: два сета – ноль. На

самом деле старалась в основном Мэри, Джефффри был не в форме – отбивая мячи, казался неповоротливее обычного, а Кеннет рьяно гонял его по корту, и победа Мэри с Джефффри в основном случилась благодаря повторявшимся ошибкам Джейн. После игры, поскольку вечер выдался теплый, они заказали напитки и вышли с картонными стаканчиками на берег Борна, речушки, струившейся вдоль северной границы клуба; затуманенные буро-зеленые воды ее предлагали приют редким колюшкам, а также услаждали взоры теннисистов.

Кеннет прицельно подсел к Мэри и похвалил ее за игру.

– Неплохой у вас удар слева, девушка.

– Спасибо. Много играешь в Лондоне?

– Я б играл, но вечно времени нет.

– Кеннет ужас как занят, – похвасталась его сестра. – Берет штурмом мир журналистики.

– Сочиняю тексты о благотворительной продаже пирогов и истории о старушках, вызывающих пожарных, когда котята не могут с дерева слезть, – сказал Кеннет с громкой самоиронией.

– С этим покончено. – Остальным Джейн пояснила: – С понедельника он начинает в “Ивнинг стэндард”.

– Поздравляю! – сказала Мэри, а вот Джефффри спросил довольно кисло:

– Чего ты вообще подался в это грязное дело – в журналистику?

– Я не считаю, что оно грязное, – отозвался Кеннет. – Со-
всем не считаю. Мне кажется, сейчас в этой стране проис-
ходит много всякого интересного – общественные перемены
после войны и все такое, – и журналистика должна играть
в этом важную роль. Объяснять людям всякое. Чтобы они
были в курсе.

Джеффри фыркнул.

– Как по мне, это очень идеалистический взгляд.

– Это оттого, что ты интересуешься только тем, что про-
изошло две тысячи лет назад, – сказала Мэри. – Древний
Рим и прочий сыр-бор.

Джеффри, может, и готов был оставить тему, но ее репли-
ка ужалила его и вынудила продолжить.

– Короче, я *не* считаю, что эта страна сильно меняется, –
сказал он. – Сразу после войны вроде казалось и впрямь, что
есть такая опасность, но теперь, раз у нас опять какое надо
правительство, все встало на свои места.

– Опасность? – переспросил Кеннет. – Вот что, по-твоему,
делало правительство Эттли? Обустраивало Национальную
службу здравоохранения?¹⁶ Строило государство всеобщего

---

¹⁶ Клемент Ричард Эттли, I граф Эттли (1883–1967) – британский политик, премьер-министр Великобритании (1945–1951), лидер Лейбористской партии (1935–1955), который дольше всех занимал этот пост. Национальная служба здравоохранения (*National Health Service*, осн. 1948) была создана по инициативе лейбористского правительства; все основные виды медицинской помощи исходно оказывались бесплатно, однако в 1951 году ввели частичную плату за некото-
рые виды помощи; финансируется из налоговых отчислений граждан.

благоденствия? Ты считаешь это все опасным?

– Ой, ну же, мальчики, – взмолилась Джейн. – Не начинайте с политикой. Не о чем, что ли, поприятней поговорить в такой милый вечер? Ты знаешь что-нибудь про судомоделлизм, Джефф?

– Судомоделлизм? Не очень, а что?

– Моя очаровательная сестра, – пояснил Кеннет, – уломила меня пойти с ее сынишкой в Вэлли-парк завтра утром, перед моим возвращением в Большой Дым. Он ожидает увидеть человека, который знает, что делает, а я понятия не имею.

– Как хороший журналист, выедешь на блефе, не сомневаюсь, – сказал Джеффри.

– Чего ты с ним такой резкий был? – спросила потом Мэри, когда Джеффри провожал ее домой. Перевалило за девять, очередной летний вечер подходил к концу. Тенистые улицы Борнвилла все еще затапливал бледно-зеленый свет.

Вместо ответа Джеффри задумчиво проговорил:

– Джейн все правильно сделала, что вышла замуж за Дерек Сэндерза. На пару ступенек поднялась.

– На пару ступенек?

– По общественной лестнице. Они с Кеннетом не очень-то отсюда, между прочим. Росли в Коттеридже, в малюсеньком “ленточнике”. Я его видел разок. Как есть стена-к-стене.

Вы только послушайте его, подумала Мэри. Ты-то со своими родителями до сих пор живешь в бунгало. Деревянном

вдобавок. Но сказала она только это:

– Думаешь, значит, они из простых?

– Нет, но, надо сказать, они из низов среднего класса, а не из середины среднего класса, как мы с тобой, – ответил Джеффри. И добавил: – Он этот свой выговор брумми скинет в Лондоне быстренько, вот увидишь.¹⁷

Мэри не понимала, какая разница, из низов ты среднего класса, из середины его или еще откуда. И даже не замечала, что у Кеннета есть какой-то выговор. Джеффри же в тот вечер – сплошная заноза в известном месте. Что это на него нашло?

Возле калитки в их сад они остановились, и Джеффри опустил теннисные сумки на землю, чтобы взять обе руки Мэри в свои. Сопrotивляться она не стала, однако сердце ее к этому не лежало.

– Я вот что хочу сказать, – продолжил Джеффри, – я завтра еду гулять. Утром приедет кузина Шила со своим женихом, мы собираемся в Молверны. На пикник.

– Вот как?

– Его зовут Колин. Колин Тракаллей, – продолжил Джеффри, словно это имело значение. – Думаю, семейство поручает мне его оценить.

– Насчет выговора? – спросила она с подначкой.

Джеффри вопросом пренебрег.

– Хочешь с нами? Вчетвером будем. Было бы здорово, ес-

---

¹⁷ Брумми (*разг.*) – житель Бирмингема.

ли б ты согласилась. Ну, то есть, для меня здорово.

Мэри помедлила. На завтра планов у нее не было. Вместе с тем у нее сложилось намерение – намерение столь смутное, что планом его назвать вряд ли можно. И на Джеффри она не на шутку сердилась.

– Извини, не могу, – сказала она. Нужна была ложь. Врать она умела так себе, но быстро измыслила кое-что. – Я обещала маме, что поеду с ней по магазинам в Город. На целый день. С обедом в “Рэкэмзе” и все такое.

– Эх, ну что ж, жалко. – Он вздохнул. – Эх, ну что ж, – повторил, а затем склонился к ней с прощальным поцелуем. Случилась мимолетная путаница: Джеффри потянулся к ее губам, а она подставила щеку, и в итоге поцелуй пришелся в ухо. Вот правда, после полугода ухаживаний могли бы уже научиться.

– Спокойной ночи, – прошептала Мэри, вспыхнув, и добралась аж до самой двери в дом, прежде чем вспомнила, что забыла свою теннисную сумку на тротуаре; пришлось вернуться.

То лето 1952-го благословила безупречная погода, и наутро тоже было великолепно, тепло и солнечно. Суббота начала июля, и к тому времени, когда Мэри добрела до пруда с судомоделистами в Вэлли-парке (не самый обычный для нее маршрут, конечно, однако почему бы и нет?), солнце было в зените и глубокая синева неба отражалась в спокойных водах. Игровое поле за прудом и высокие дубы отграничивали

таинственные земли Вудбрука, тянувшиеся вдоль него, создавая сценический задник столь пасторальный, что запросто верилось, будто вокруг сельские края, и лишь шум машин с Бристол-роуд нарушал эту иллюзию. Но даже машин в то утро было мало. Борнвилл, казалось, объят был невыразимым спокойствием, едва ль не зачарован. На скамейках у воды сидели несколько человек, на пруду же виднелись три суденышка, одно – Кеннета и его племянника; они следили, как лодочка покачивается на середине, из-за штиля совершенно для них недостижимая.

– Доброе утро, – сказал Кеннет с видом довольным, но не очень-то удивленным. – У нас тут кризис. Это Тимоти, кстати. Я рад, что ты пришла. Время, впрочем, не самое удачное.

– Как вы собираетесь ее доставать? – спросила Мэри.

– Придется подождать ветерка, наверное. Но сейчас его, кажется, немного.

Тимоти, не обеспокоенный положением, убрел поглядеть на уток, а Мэри и Кеннет уселись на скамейку на солнышке.

– Отец водил меня сюда, бывало, – сказал Кеннет, наклонив голову, ловя теплый свет. – До войны. Здесь ничего не изменилось. Нисколько.

– Мне здесь очень нравится, – сказала Мэри. – Но не верится, что ты особо скучаешь по этим местам. В Лондоне столько всяких дел, если сравнить.

– Это правда, – отозвался он.

– Ты когда туда переехал?

– Чуть больше года назад. Ты права, тогда и впрямь казалось, что как раз там все и происходит. Фестиваль только-только начинался. И все новостройки возникали на Саут-Бэнк. “Скайлон”, Сады удовольствий¹⁸. Уйма всякого замечательного.

– Здесь, надо полагать, в общем, задворки.

– Не то чтобы, – сказал Кеннет. – Скорее, оазис, может. Тут очень... укромно, да? Они привилегированные – те, кто здесь живет, но сомневаюсь, что местные так на это смотрят. Как лондонцы, живущие в Хэмпстеде¹⁹. Люди, которым в жизни повезло, не очень-то любят, когда им об этом напоминают.

– Считаешь, мне повезло?

– Конечно. Могла бы родиться где угодно в какой угодно семье. А родилась здесь. И это очень здорово.

Как раз тут к ним подбежал Тимоти – обратить внимание дядюшки на продвижение их судна. Его наконец сдуло с середины пруда, и кораблик устремился к дальнему берегу. Кеннет взял племянника за руку, и они вместе бросились ловить лодочку. Мэри поначалу чувствовала себя довольно-таки уязвленной его замечаниями – ей не казалось, что ее семья “привилегированная”, и само слово ей совсем не нра-

---

¹⁸ Сады удовольствий – парк аттракционов и развлечений, устроенный к Фестивалю Британии.

¹⁹ Хэмпстед – район на севере Лондона, значительную часть которого занимает крупнейший в Лондоне лесопарк Хэмпстед-Хит. Ныне район имеет славу богемного, жилье в нем дорого даже по лондонским меркам.

вилось, – но она, как это было ей свойственно, отмахнулась от этого чувства и со всем вниманием принялась наблюдать, как те двое вылавливают свою яхту. Кеннет явно любил детей и умел с ними общаться, и у Мэри в списке желательных мужских качеств это занимало высокое место. Они вновь запустили лодочку – на этот раз, кажется, получилось лучше поставить ее на курс, и она прямиком устремилась к Мэри; оказалось, когда судно подобралось поближе, что это хорошо сработанная миниатюра, корпус выкрашен в глянцеви-тый насыщенный красный, паруса легонько надувались на ветру. Сияя гордостью обладателя, Тимоти не сводил с кораблика глаз и шагал за ним вдоль берега.

Удовлетворенный ходом дела, Кеннет вернулся на скамейку к Мэри. Некоторое время они молчали. Затем Мэри как бы между прочим спросила:

– А Дартфорд близко от Лондона?

– Дартфорд? Довольно близко, да. Где-то полчаса на поезде, думаю. А что?

– Я туда в сентябре еду. Там колледж, учат физической культуре.

– Физической культуре? В смысле – физкультурный?

– Верно.

– Собираешься быть учительницей физкультуры, значит? Толково. Уверен, у тебя получится. Сколько там пробудешь?

– Три года. То есть в Лондон я буду ездить довольно часто.

Кеннет намек уловил не сразу, однако ему это все же уда-

лось.

– Хорошо, – отозвался он, суя руку в карман, – в таком случае нам и правда надо встретиться. Я хотел сказать... в смысле, если тебе нужно, чтобы кто-то показал тебе город.

Он извлек из брючного кармана блокнот, записал свой адрес и телефон и вырвал страничку. Мэри постаралась не выхватить ее чересчур рьяно.

– Спасибо, – сказала она, и пусть оставшееся время, проведенное с ними, пролетело слишком быстро и не завершилось ничем более волнующим, чем рукопожатие, каким ее одарили племянник и дядюшка, Мэри не очень расстроилась. Она снова отыщет Кеннета осенью, вот что важно. С какой целью она это сделает, Мэри, как обычно, не задумалась.

3

14 сентября 1952 года

Мама с папой довели меня из Бирмингема, мы прибыли в колледж Дартфорд в три часа дня. До чего унылое место. У меня сердце рухнуло в ботинки, как только въехали в ворота. Распаковали мои вещи, я помахала на прощанье, пришла наверх и поплакала немножко у себя в комнате. Ужасно стыдно, потому что объявилась Элис, одна из девочек, с которыми мне тут жить. Придется привыкнуть, что здесь у меня нет личного пространства! Совсем другое дело, не моя спальня на Бёрч-роуд. Но Элис, короче, очень по-доброму со мной, и тут еще есть другая девочка, ее зовут Лора, она тоже милая. Может, нам тут всем вместе будет очень даже весело, когда попривыкнем.

27 сентября 1952 года

Первая поездка в Лондон, встретиться с Джефффри. Подмочило дождем, к сожалению, но нам это все равно не помешало, и день получился славный. Встретились у поезда на Юстоне, попили на станции чаю с пирогом и пошли в Британский музей. Самое настоящее образование, когда Дж. ведет экскурсию! Говорит немного, но знает, по-моему, все обо всем. А потом вернулись на вокзал, и он так долго целовал меня на прощанье, что чуть не упустил свой поезд и в итоге

за ним бежал. Я села в метро до Чэринг-Кросс и вернулась в скучный старый Дартфорд, сплюснутая в блин. Очень скучаю по Джэ.

26 октября 1952 года

Все устоялось, я очень даже привыкаю к распорядку. Он довольно простой: нас кормят, потом мы выходим на улицу и жжжем то, что съели, потом они нас опять кормят, и мы это жжжем, и так далее в том же духе. Еда – типичная набивка, что называется. Тост и кукурузные хлопья на завтрак, булки и пончики – перекус до обеда, что-то горячее и сытное на обед (фарш и фасоль повар любит больше всего, похоже), scones или кексы на полдник, а затем что-нибудь чуть полегче на ужин – сырнй или ветчиннй салат, а следом фрукты. Я бы тут набирала фунт за фунтом веса, если б не заставляли столько тренироваться! Хоккей, нетбол, теннис, бег, волейбол. Кто его знает, что будем делать, когда вечера станут длинными и похолодает. Надо думать, сплошной спортзал! Никакой пока преподавательской практики, она со следующего семестра.

Вчера опять Лондон, повидаться с Джефффри. Третий раз. Потихоньку прокладываем свои маршруты в городе, как заправская парочка кокни. Обычно идем в какой-нибудь музей или в галерею, а потом гулять по большим паркам, и дальше ужин – перед тем, как Джефффри ехать домой. Вчера мы раскошелились и отравились аж в “Мезон Лайонз” у Мраморной арки.

Я взяла соq au vin²⁰ – очень смело! – а Дж. выбрал ассорти на гриле, и оно оказалось таким громадным, что он не смог доесть. Ужасная грусть после его обычного отъезда. Чуть не заревела в поезде по пути сюда, но вовремя взяла себя в руки.

22 ноября 1952 года

Собиралась написать Кеннету с тех пор, как только сюда приехала, но никак не могла набраться наглости. Ну и незачем было волноваться, потому что он прислал мне на этой неделе милую открытку с приятнейшим предложением. Сказал, что у него есть лишний билет в театр на какой-то лондонский спектакль и не хочу ли я пойти с ним? Хочу ли? Попробуйте-ка меня удержать!

Он не сказал, что за спектакль, и я не знала, пока мы не оказались в театре, – давали новую Агату Кристи, о которой было столько разговоров, “Мышеловка”²¹. Перед спектаклем мы выпили настоящего шампанского в баре (я не рискнула спросить, сколько оно стоило, Кеннет все равно сказал, что может списать это как накладные расходы),

---

²⁰ *Maison Lyons* (1909–1977) – огромный ресторан в угловом доме на площади у Мраморной арки, принадлежавший компании сэра Джозефа Н. Лайонза и входивший в небольшую ресторанныю сеть этой компании; в ресторане могло одновременно разместиться более полутысячи гостей. *Соq au vin* – петух в вине (фр.).

²¹ *The Mousetrap* – детективная пьеса Агаты Кристи в двух действиях, первая постановка в Королевском театре в Ноттингеме состоялась 6 октября 1952 года; спектакль успешно идет до сих пор.

однако, увы, времени на ужин после показа не осталось совсем, иначе я бы не успела на последний поезд. Пришлось сделать себе на кухне тост с сыром, и завершение дня вышло несколько смазанным, но я проголодалась до смерти, да и не беда, в общем, поскольку время мы провели замечательно. До чего хороший из Кеннета собеседник. Он говорит гораздо больше, чем Джефффри, и знакомится с такими интересными людьми. Я бы могла слушать его часы напролет.

А спектакль, должна сказать, меня скорее разочаровал, и я подумала, что по сравнению с ее книгами он паршивенький. Очень медленный и очевидный. Я рада, что посмотрела, поскольку его, наверное, скоро снимут с показа.

14 января 1953 года

Ну что ж, и снова каторга, так сказать. На этот раз скучаю по дому сильнее прежнего. До чего милейшее Рождество у нас получилось, все были вместе, и столько прекрасного времени с Джефффри. Буду помнить тот день, когда мы долго катались на коньках в Роухите. Теперь-то снова ляжку тянуть, и пусть это здорово – опять увидеться с Элис и Лорой, жуть какое искушение удрать на станцию и первым же поездом уехать домой. Интересно, станет ли когда-нибудь полегче? Остается лишь держаться за мысль, что мы с Дж. через десять дней снова увидимся.

Десять дней! Сейчас кажется, будто это целая

вечность.

14 марта 1953 года

Ну и денек. Не знаю, как обо всем этом вообще писать в дневнике. Руки трясутся так, что ручку едва держу.

Во-первых, ничего этого могло бы не случиться, если б я приняла приглашение Кеннета отправиться с ним на “закрытый показ” в какую-то галерею в Хэмпстеде. Увлекательная затея вроде, и я едва не согласилась, но отказать Джефффри никак не могла – я же знала, как он ждал этой встречи, чтобы сходить со мной в зоопарк. Я его встретила у поезда в 11:30, и мы, как обычно, съели тяжеленный обед, а потом пошли в зоопарк, где на входе очередница была грандиозная. Но нам все равно было здорово. Что забавно, Джефффри со мной в павильон с рептилиями не пошел, у него ужасный страх змей, и он на них смотреть не может, даже если они надежно за стеклом. Есть в нем иногда всякое странное. А после зоопарка мы пошли в парк и сели у декоративного пруда, и такая была романтическая атмосфера, и тут-то он сказал последнее, что я ожидала услышать: “Мэри, дорогая, пойдешь за меня замуж?” – сказал он, и сердце у меня чуть не лопнуло. Конечно, я сказала “да”. И теперь я официально помолвлена!!! Не уместается в голове. Последние сутки я провела на Седьмом Небе, и все кажется сейчас неправдоподобным. Само собой, я позвонила маме с папой и сказала им, и они тоже вне

себя от счастья, хотя папа спросил меня все же, не кажется ли мне, что я, может, слишком еще молодая для помолвки, но он, наверное, не всерьез, мне кажется, он просто был совершенно потрясен и не знал, что сказать.

18 мая 1953 года

Еще один приятный день в Лондоне с Джефффри. Пошли в ювелирный квартал, поискать, где можно расточить кольцо, потому что оно мне слишком мало. В этой части Лондона ни я, ни он не бывали, и мне там, в общем, понравилось, а вот Джефффри, кажется, было несколько не по себе. Более того, когда мы вернулись на Оксфорд-стрит, он был совсем не в своей тарелке, и я спросила, что случилось, и он сказал: “Ты видела, сколько там цветных было в автобусе?” Конечно, я заметила, но ничего толком про это не думала. Я все еще не понимаю, чего так расстраиваться. Живи и дай жить, так я скажу! Потом у нас был довольно тихий вечер в Хайд-парке. Было очень жарко и солнечно, и мы просто легли на траву, и я плела венки из маргариток, а Джефффри читал свою книжку. Я на него за это немножко дулась, но он был в очереди на эту книгу полтора месяца, поэтому, наверное, прощу его. Называется “Казино «Рояль»”, про шпиона, который вроде как очень смелый и неотразимый. Джефффри однозначно увлекся, судя по всему, и совсем не обрадовался, когда я ему на голову положила большущий венок, пока он читал. Мне

показалось, что в венке он смотрится очаровательно, однако Джефффри не понял юмора.

23 мая 1953 года

Как быть с Днем коронации? Остаться в Лондоне с друзьями или вернуться в Борнвилл к семье?

Хорошо, что у мамы с папой вовремя завелся телевизор. Судя по всему, его только на прошлой неделе доставили, и они вздохнули с большим облегчением, потому что слышали, что кого-то поставили на очередь, на месяцы вперед, и “Аренда приемников”²² сообщила, что ко Дню коронации телевизор никому гарантировать не может. В общем, у родителей теперь есть – и совершенная прелесть, со слов папы.

Но вроде как это слегка безумие – ехать в такую даль, в Бирмингем, и смотреть по телевизору, когда по-настоящему оно все будет происходить с доставкой на дом, как говорится. Тут целая ватага желающих пойти со всей толпой, и они спрашивают, пойду ли я с ними, и велико искушение, кстати. Вообразить только – увидеть саму Королеву в карете!

А поверх всего прочего сегодня утром я получила письмо от Кеннета, он спрашивал, поеду ли я в Лондон в тот день, и сказал, что хотел бы встретиться, если я еду. Было бы, конечно же, здорово повидаться. На самом деле, думаю, это все и решает.

---

²² *Radio Rentals* (1930–2000) – компания по прокату радио-, а затем и телеприемников; позднее компания предоставляла в аренду видеопроекторы.

Джеффри расстроится, конечно, если я не приеду, но я напишу ему, что его с семьей, раз у них нет телевизора, мои мама с папой приглашают посмотреть у них. Могу спорить, не они одни воспользуются возможностью!

4

Долл положила трубку и вернулась в гостиную.

– Фрэнк звонил, – сказала она.

Сэм, вперившийся в экран, ее не услышал.

– Поберегись! – заорал он на телевизор.

– Поберегись? Чего поберегись?

– Там вон клятая акула, – пояснил он.

Долл наклонилась и вгляделась в картинку.

– О чем ты говоришь? Какая акула?

– Там! – настаивал Сэм, тыкая пальцем. – Во всяком случае, по-моему, это акула.

Он показывал на черно-белый квадрат, состоявший из одних лишь пятен и клякс серого, посветлее и потемнее, и видно их было сквозь густую метель помех.

– Не акула это, – раздраженно сказала Долл. – Это человек в гидрокостюме. Фрэнк звонил, говорю.

– Этот французский парняга, – продолжил Сэм, вторично не обращая внимания на предложенную новость, – ныряет с аквалангом и берет с собой камеру. Ты не поверишь, что там есть. Они нашли корабль, пролежавший две тысячи лет. Две тысячи лет! Рядом с Иль-дю-Гранд-Конк.

– Индюк что?

– Иль-дю-Гранд-Конк. У французского побережья. Где Марсель. “Гранд-Конк” называется. Наверное, означает по-

французски “большой нос”.

– Совершенно без разницы, – сказала Долл и воздвиглась между мужем и телеэкраном. – Зачем мне знать про Индюк-Ранконг? Мне какая с этого польза? Зациклился ты, вот что. Всякую старую дрянь смотришь.

– Дрянь? Как ты можешь! Да это настоящее просвещение!

– В третий раз повторяю: звонил Фрэнк. Берта желает знать, можно ли ей прихватить с собой отца.

– Не загораживай, – сказал он, раздраженно маша рукой. – Прихватить отца куда?

– Сюда, конечно.

– Зачем она хочет его сюда прихватывать?

– Да что ж такое-то, а! Они придут в гости во вторник! Смотреть коронацию. Сто раз тебе говорила.

– А, да. – Тон у Сэма внезапно переменялся. Сэм словно присмирел и усовестился. – Ты и правда говорила. Вот только...

– Что “только”?

– Ну, видимо, вылетело из головы. Потому что я сказал мистеру Эф, соседу, чтоб заглядывал. Он приведет Дженет и обоих детей.

Долл уперла руки в боки и в ужасе уставилась на мужа.

– Что-что? Как мы все тут поместимся? Четверо их плюс Фрэнк с Бертой, и Джеффри, и Карл...

– Кто такой Карл?

– Отец Берты, немец! Плюс мы с тобой. Это десять чело-

век. Где мы все рассядемся? Как мы их напоим-накормим?

Вернувшийся на палубу Жак Кусто что-то говорил на камеру – возможно, рассказывал о своем последнем погружении, но с таким густым французским акцентом, что Сэм едва ли понял хоть слово. Долл осознала, что вновь утратила внимание супруга и никаких ответов на свои вопросы не получит. Как обычно, с возникшими домашними хлопотами ей придется управляться самостоятельно. Она вздохнула и вышла из комнаты.

* * *

Наутро, когда в дверь постучали, Долл открыла и обнаружила на пороге свою мать Джулию, а при ней – очень знакомый темно-синий чемодан.

– Ох нет, – сказала Долл, – ты опять его бросила, да?

– Я опять его бросила, – сказала Джулия голосом визгливее и пронзительнее привычного – прямой удар по ушам.

– Что на этот раз стряслось?

– А? Что?

– Ты слуховой аппарат с собой взяла?

– Нет. Он опять потерялся.

– Ох, ма...

– Ну так что, ты меняпустишь в дом или мне стоять на пороге все утро?

Долл развернулась и понуро отступила внутрь, покорно

приглашая войти. Мама последовала за ней. Расставания с мужем у нее случались часто и непредсказуемо, обыкновенно возникали из-за какого-нибудь бытового разногласия, которое быстро разрешалось по телефону после того, как они давали друг другу немного остыть. Долл давно пришла к выводу, что для матери это не более чем повод обустроиться на несколько дней в дочернем доме и воспользоваться некоторыми его благами, не отвлекаясь на мужа. Долл охотно принимала бы ее и без повода, но по неким причинам матери нравилось обставлять дело так. И, разумеется, в этот раз имелась и еще одна причина, потому что не на кухню за Долл она пошла, а напрямиком в гостиную, где Сэм в недолгом уединении с удовольствием разглядывал рисованные истории на последней странице “Дейли миррор”.

– Здравсьте, бабушка, – сказал он, вставая. – Вот так сюрприз.

– Это он? – Она глянула на телеприемник и уважительно присвистнула. – Ух, красивый, а?

– Долл вам чай заваривает?

– Большущий какой, да? Главный предмет на всю комнату.

– Останетесь у нас пока? Отнести чемодан наверх?

– Ну давай, включай.

Сэм вздохнул. Слух у нее явно теперь хуже прежнего. Ну или же новый телевизор заинтересовал ее так, что все остальное перестало существовать.

– Сейчас ничего не показывают, – сказал он. – Не в это время суток.

– Ну давай, включай, – сказала она громче некуда.

– Ничего не показывают, – повторил Сэм. – Программа начинается сильно после обеда.

– После обеда? Ну, тогда и ни к чему. Отнеси-ка чемодан наверх, и я прилягу до обеда. Я без сил. Что у нас на обед? Мне бы салата с ветчиной.

Мэри предложила встретиться на лестнице Национальной галереи, но Кеннет знал, что это невозможно, – и действительно, в тот день и Трафальгарская площадь, и сама лестница были невероятно запружены людьми. Кто-то ради того, чтобы занять место, спал здесь всю неделю. Поэтому Кеннет предложил встречаться в обыкновенно тихом переулке возле вокзала Виктория. Мэри объявилась в самом начале одиннадцатого в сопровождении Элис и Лоры, своих соседей по комнате, и молодой представитель лондонского газетного мира их вполне подобающе обворожил. Сегодня на нем вновь был очередной шейный платок – на сей раз не желтый, а темно-синий. Элис с Лорой тут же запали на Кеннета. Следуя хитроумному маршруту, проложенному Кеннетом, этот разношерстный квартет сумел пробраться к Вестминстерскому аббатству в обход самых непролазных толп. Но даже тем путем оказаться хоть в какой-то близости к самому аббатству едва удалось через добрые минут пятьдесят.

– Ух ты, ну и толпы! – сказала Элис, пока они протискивались по Олд-Пай-стрит. – Вы жуть какой ловкий, Кеннет, знаете тут все эти углы и закоулки. Без вас мы б не справились.

– Ну, я не местный, – сказал он, – но разбираться научился.

Мэри невыразимо гордилась тем, что нашла им такого находчивого проводника. Наконец они добрались до Сториз-Гейт, дальше хода не было, и выяснилось, что вид на аббатство, хоть какой-нибудь, загорожен пятью-шестью рядами плотно стоявших зрителей. Океан британских флажков расстилался докуда хватало взгляда.

– Какая досада, – сказала Элис. – Мало что увидим.

Но у Мэри нашелся ответ. Она извлекла из сумки интригующий предмет явно домашнего изготовления – длинный картонный цилиндр с зеркальцами, приделанными с обоих концов.

– Узрите, – торжествующе произнесла она, – изделие рук гения Джеффри.

* * *

Сидя в гостиной у родителей своей невесты, Джеффри поневоле размышлял, воспользуется ли Мэри в то утро его остроумным изобретением. Почти все последнее пятничное утро он мастерил этот перископ, и хотя она поблагодарила Джеффри в письме, он не был уверен, что она досконально поняла его назначение или собирается взять с собой в Лондон. И так, в том числе, проявлялось у Джеффри настойчивое ощущение, что Мэри недостаточно высоко его ценит. Ощущение, несомненно, иррациональное: он же, в конце концов, сидит в доме ее родителей вместе со своими ма-

терью, отцом и дедом, и тут им рады так, будто они все одна семья. Будто они с Мэри уже поженились. И все-таки он понимал, что никогда не будет целиком в этом уверен, пока они с Мэри не принесут клятвы, а обручальное кольцо не окажется у нее на пальце.

Перед телевизором в гостиной у Долл и Сэма уже собралось семь человек. Людно, однако не чрезмерно. Мать Джеффри Берта – на одном конце дивана, раздражительная Джулия – на другом, на подлокотнике рядом с ней чашка с чаем, а на коленях тарелка с удовлетворительно высокой горкой диетического печенья. Между ними расположился Карл Шмидт, теперь уже восьмидесятиоднолетний, – он туго втиснулся между двух женщин и с виду был этим премного доволен. В самом деле, с тех пор как годом раньше скончалась его несносная супруга Нелли, дочь и зять заметили в старике подспудную, но вместе с тем выраженную перемену, знакомый огонек призрачно замерцал у него в глазах, а в уголках рта сквозила теперь непривычная полуулыбка. Он словно отчасти вернул себе жажду жизни и смотрелся теперь лет на двадцать моложе.

Фрэнк и Сэмюэл заняли оставшиеся кресла, Сэмово – поближе к телевизору, чтобы можно было дотянуться до ручек регулировки, поскольку каждые несколько минут картинка принималась дрожать и плыть так, что скоро уже и не разберешь ничего. Это почему-то происходило всякий раз, когда они ставили чайник или открывали дверцу холодильни-

ка. Долл принесла еще три стула из столовой и лучший предложила Джеффри: как жених Мэри, он получил статус почетного гостя. Сама Долл устроилась на неудобном стуле в глубине комнаты, и видно ей было плохо.

Наблюдать за всем этим по телевизору казалось чудесным, сказочным – сидеть в Бирмингеме и быть свидетелями этих событий в тот самый миг, когда они разворачиваются в Вестминстерском аббатстве. Во многих смыслах телевизионная картинка не безупречная замена действительности, но были у нее и несомненные преимущества. Например, телевизионная аудитория получала возможность слушать голос комментатора, пояснявшего происходящее. На фоне торжественной музыки из телевизионного звукоусилителя зазвучал почтительный голос Ричарда Димблби²³:

“Пока мы ждем, музыка заполняет все здание. Сцена открывается нам в великолепии красок. Сейчас все почти неподвижно. Мы наблюдали за тем, как все складывается воедино, подобно мозаике, фрагмент за фрагментом...”

– Подобно чему? – проорала Джулия что есть мочи.

– Мозаике, – повторил Сэм медленно и выразительно. –

Он говорит “подобно мозаике”. Много разных цветов.

– Говорил бы он погромче. Можно чуть прибавить громкости?

---

²³ Фредерик Ричард Димблби, кавалер ордена Британской империи (1913–1965) – английский журналист и ведущий на радио и телевидении, первый военный корреспондент, затем – ключевой новостной комментатор Би-би-си.

– Он все толкует о красках, – пожаловалась Берта. – Но мы-то красок не видим. Хоть бы сказал нам, какие они.

Голос продолжал:

“...с самого раннего утра, пока аббатство еще было почти пустым, и к теперешнему мигу, когда ждем мы среди всего этого чарующего убранства, у этого креста под нами, с тронem в перекрестии. Неразъемная череда епископов, облаченных в сутаны и стихари...”

– Что там епископов? – переспросила Джулия. – Что он сказал?

– Неразъемная череда, – ответил Сэм, произнося все слова по слогам, – сутаны и стихари.

– Череда? Это что значит? Что такое неразъемная череда?

– Понятия не имею. И не спрашивайте меня, что такое сутана, потому что я не знаю.

– Сутана – это что на епископе надето, – пришел на выручку Фрэнк.

– Ну уж *это* мы все знаем.

– Где? – спросила Джулия.

– Где? В церкви, конечно.

– Нет, в смысле, на что у них это надето? Сутана – это на головах у них?

– Нет, там у них митра, кажется.

– Я думала, митры у них в руках.

– Нет, то епископский жезл.

– Прошу вас, прошу вас! – с неожиданной страстью вдруг

воззвал к ним Карл Шмидт. – Вы можете притихнуть? Мы пропускаем важнейшие подробности церемонии.

Такова была властность его тона, что все умолкли, и в следующие несколько минут с комментарием Би-би-си состоялся лишь звук безжалостного уничтожения Джулией груды печенья.

Сидя в глубине комнаты, Долл отметила про себя, что все пока складывается неплохо. С таким количеством гостей она управится. Соседи Фартинги же опаздывали. Может, в итоге решили не приходить вовсе. Не успела она утешиться этой мыслью, как в дверь громко постучали. Открыв стучавшим, она увидела перед собой шестерых совершенно не знакомых ей людей – мужчину, женщину и четверых детей.

– Я знаю, о чем вы подумали, но об этом можно не беспокоиться, – сказал мужчина и протянул ей большой бумажный пакет, туго набитый предметами в вошеной обертке. – Мы пришли со своими сэндвичами.

* * *

Сама церковная церемония коронации должна была длиться три часа, а потому, как только Мэри с друзьями ухитрились мимолетно, одним глазком увидеть, как Королева входит в Вестминстерское аббатство (они передавали друг другу перископ, обильно восхищаясь изобретательностью Джеффри), задерживаться в том месте смысла было

немного. Они решили пробиться к Хайд-парку и попытаться расположиться так, чтобы хорошо видеть королевскую процессию, когда после обеда она проедет по Ист-Кэрридж-роуд. Солнце Лондону в тот день не улыбалось, и в воздухе уже повисла тонкая морось, грозившая перерасти в ливень. Неважно. Они постелили на траве коврик, отвинтили крышки термосов и разлили по кружкам чай. Дух этих юных патриотов какому-то там дождику не подмочить.

* * *

Незнакомец оказался братом мистера Фартинга, со всей семьей приехавшим из Ковентри. Мистер Фартинг, судя по всему, пригласил его на совместный просмотр, нимало не озаботившись сообщить об этом хозяевам. К счастью, все шестеро готовы были сидеть на полу – как и сам мистер Фартинг, объявившийся десятью минутами позже с женой и двумя дочками. Все они сбились в тесный полукруг прямо перед телевизором, и зрителей теперь стало семнадцать.

Комментатор продолжал:

“И вот, вдали справа, в юго-восточном трансепте ждут пэры Королевства. Мы видим, как, облаченные в великолепные одеяния, они сидят, войдя один за другим и пара за парой в это историческое здание по столь знаменательному случаю, их великолепные плечи укрыты мантиями и накидками, украшенными белыми горностаями, обшитыми золо-

том, а венцы их лежат у них на коленях”.

– Горностаи! – проговорила миссис Фартинг. – Представлю, до чего они, надо полагать, мягкие.

– Все равно что здоровенного персидского кота гладить, – согласилась с ней ее невестка.

“Обозревая пустые хоры, мы видим передний ряд пэресс, тиары их во блеске и переливах, пэрессы сидят напротив своих супругов – пэров...”

– Очень поэтично, правда?

– Очень. “Во блеске и переливах...”

– Прелестные тиары, должна сказать. Как считаешь, они и к завтраку вот так одеваются? Эдак вот: пэр в своих горностаях, а пэреса – в тиаре и всем остальном. “Передай кукурузные хлопья, милая”.

Миссис Фартинг расхохоталась и продолжала смеяться, пока муж не ткнул ее – бережно, однако выразительно – пальцем в бедро. Она обернулась и увидела, как с дивана смотрят на нее в упор Берта, Джулия и Карл Шмидт. Сделала серьезное лицо и вновь уставилась в телевизор.

“...И по-прежнему два незанятых кресла, и ждет в одиночестве юный герцог, королевич по крови. Роскошный золотой ковер укрывает всю алтарную часть храма и смыкается с темно-синим ковром, прячущим под собою черно-белые клетки пола в капелле аббатства”.

– Синий! – сказала Берта. – Я почему-то думала, что он красный.

– Приятно, что он теперь сообщает нам цвета. Помогает отчетливее представить.

“...Сейчас мы смотрим с востока, по-над алтарем, вниз, на зрительские места и, так сказать, по всей длине храма. Вы видите темно-синий ковер хоров, он уходит за пределы нашего поля зрения. По обе стороны от синего ковра, на резных дубовых хорах аббатства, сидят наши досточтимые гости. Взгляните: в пяти-шести сиденьях от нас женская фигура, склоненная вперед, она читает – это великолепная Салоте, королева Тонги”²⁴.

– Кто? – громко переспросила Джулия. – Кто она? Королева чего?

– Тонги, – уведомил ее Сэм.

– Африканка! Господи, спаси нас.

– Тонга не в Африке. Это в Тихом океане.

– Ну, они ж там все черные, верно? Вы гляньте на нее.

“...Рядом с королевой, восшествовавшей в аббатство нынче утром, двое сопровождавших ее офицеров Гвардии казались карликами”.

– Слыхали? Она привела с собой двух карликов. Где они, вы их видите?

– Ой, да тише уже. Нет никаких карликов. Откуда им там взяться?

– Ну, неизвестно же, что они там в Тонге замышляют.

---

²⁴ Салоте Тупоу III (1900–1965) – королева Тонги из династии Тупоу, правила страной с 1918 года; памятна своим ростом – 191 см.

“Женищина, состоящая на службе у Содружества, и сегодня единственная присутствующая в аббатстве полная правная королева – помимо королев нашей собственной королевской семьи...”

– Слыхали? – Сэм обратился к теще, возвысив голос до предела, отчетливо проговаривая все слова. – “На службе у Содружества”. Поэтому неважно, какого она цвета, верно?

“...И всех их – епископов, пэров, пэресс, а также королевских персон, дипломатических и государственных лиц в великом их собрании – итого присутствует семь тысяч”.

– Гля, семь тысяч! – сказал Фрэнк. – Уйма народу в одну-то церковь, а?

В дверь вновь громко постучали.

– Если в том же темпе продолжится, у нас в гостиной будет столько же, – пробурчал Сэм, а Долл встревоженно встала и отправилась узнать, кто пожаловал.

* * *

Примерно в час дня дождь постепенно стих, и Кеннет предложил прогуляться по Хайд-парку. Процессии не ожидалось еще часа два, не меньше, но Элис и Лора волновались, что потеряют выгодное место обзора, завоеванное ранним прибытием их компании.

– Может, вы его покараулите нам всем? – предложил Кеннет. – А мы с Мэри быстренько прогуляемся вокруг пруда.

А следом ваша очередь будет.

– Ну что же! – произнесла Элис, наблюдая за удаляющейся парочкой. – На *этот* счет выбора он нам никакого толком не оставил, а? Интересно, что бы сказал бедняга Джеффри, увидь он, как его невеста разгуливает по Лондону под ручку с таким-то красавчиком.

– Темный омут она, Мэри наша, – согласилась Лора, качая головой. – Темный омут.

Мэри отдавала себе отчет, как подействовало на подруг такое вот похищение ее для внезапного тет-а-тет. Кеннет же, казалось, держался как ни в чем не бывало. Ненавязчиво прокладывая путь и никаким очевидным образом не обращающая внимания на то, что Мэри вложила свою ладонь в его, он вел их привольным маршрутом мимо питьевого фонтанчика и оркестровой веранды, направляясь к памятнику королеве Каролине на западном берегу Змеиного пруда. Они шли против людского потока – почти все спешили к Парклейн и маршруту процессии.

– Как думаешь, Элис с Лорой удержат наши места? – спросила Мэри, не желая упустить второй мимолетный взгляд на королевскую карету.

– Должны. Они очень даже способные, по-моему. В любом случае это ж не конец света, если мы их упустим, верно?

Мэри засомневалась, правильно ли поняла.

– Ты же будешь писать что-то о сегодняшних событиях? – спросила она.

– Ой, там сегодня десятки людей уже готовят репортажи. Только если найти какой-то иной угол. Я пытался заинтересовать их людьми с моей улицы, которые устраивают антикоронационную вечеринку, но такой материал никто не хочет покупать.

– Антикоронационную вечеринку? – переспросила Мэри.

– Хочешь верь, хочешь нет, – сказал Кеннет, – есть люди, считающие, что все это дело – попросту глупая забава. Предлагали они вполне веселое. Республиканские песни, карточные игры с колодой без короля и королевы. Думаю, до инсценировки казни самую малость не дойдут.

– Всякие, похоже, люди на свете бывают... – сказала Мэри. – Но *ты* же не считаешь, что это глупая забава, правда?

Кеннет оглядел толпу вокруг них: тысячи людей, море британских флажков, красно-бело-синие розетки, торговцы, предлагавшие вразнос флажки, вымпелы и всевозможную патриотическую мелочевку, – и произнес:

– Не знаю, что я думаю, если честно. Как-то это несколько чересчур. Рискну сказать, что людям пока еще нужно взбодриться после того, что мы пережили в войну, и тем не менее, знаешь, я в самом деле считал, что все пойдет иначе. Считал, что мистер Эттли нашел путь и мы все двинемся по этому пути вслед за ним. Но вместо этого мы его выперли, и теперь... теперь у нас вот это. В смысле, посмотри только! Когда ты последний раз такое видела? На День победы, наверное.

– Когда был костер в Роухите, – сказала Мэри.

Он глянул на нее.

– О, точно – ты же была там, в ту ночь, так?

– Конечно. Тогда-то мы с тобой и увиделись впервые.

Вид у Кеннета сделался искренне удивленный.

– Правда? Вряд ли.

– Ты не помнишь, что и Джеффри там был?

– Джеффри я, конечно, помню. Мерзкая была стычка там с его дедом-немцем.

– Ну вот, я там тоже была. Я все это видела.

Он прищурился, задумался.

– Там была одна девчушка... – Вновь повернувшись к ней, он изумленно произнес: – Так это была *ты*?

Мэри кивнула.

– А ты не понимал?

– Нет, даже в голову не приходило.

– Мне показалось таким геройским – как ты ему помог тогда.

– Я помог? Там толпа будь здоров собралась в тот вечер. Куча народу бросилась помогать.

– Ты был главный.

Кеннет заметил поодаль редкость – пустую скамейку и предложил рвануть к ней. Они ускорили шаг, и Кеннет сказал:

– Паршивец он, этот парняга Бёркот, который все это затеял. Мы с ним однокашники. Он в ту ночь удрал, я не успел

ему даже сказать ничего, но через несколько месяцев мы с ним столкнулись опять. Он возник как-то вечером и оказался рядом со мной в “Зайце и гончих”, весь из себя невозмутимый.

Скамейка оставалась пустой, и они с облегчением устроились на ней, хотя почти тут же Мэри поневоле ощутила под собой холод и сырость. Ну и подумаешь – здесь было мило и открывался величественный вид на беспокойные металлические воды Змеинового пруда.

– Видно было, что со мной он разговаривать не хочет, – продолжил Кеннет, – но давать ему спуску я не собирался. Сказал, что ему повезло до сих пор не угодить в тюрьму, – и это чистая правда, – а он фыркнул и спросил, как могло пойти по-иному с немцем на таком-то празднике. Разумеется, ответов я б ему дал множество разных, да только смысла, в общем, никакого. Штука в том, что я уже видал много таких, как он, – даже воевал рядом с такими. Что ж, они куда отважней были, чем этот, мои приятели в армии, но настрой имели такой же. Скажи им, что воюешь с фашизмом – или даже просто за демократию, – и они решат, что ты рехнулся. Для них все сводилось к самообороне: немцы хотели нас завоевать, покорить нас, и мы, черт бы драл, их остановим. (Прости за выражения. Они-то сами, как ты понимаешь, выбирали что покрепче.) Попросту “мы против них”, понимаешь ли. В этом, конечно, ничего плохого нет. Сражались они, исходя из таких убеждений, героически, этого у них не от-

нять. Но попросту считали, что идет война с немцами, и, по чести сказать, если завести с ними разговор о политике, так выяснится, что кое у кого из них взгляды не очень-то далекие от нацистских. Прости, но вот так оно есть. Может, это тебя шокирует.

– Нет, не очень, – сказала Мэри. (Ее это скорее заинтриговало, нежели шокировало. Джефффри с ней никогда так не разговаривал.)

– Просто я считаю, что есть определенное представление, которое кое-кому хочется иметь о войне. Что дело было в политике. Что все считали, будто настоящий враг – фашизм. А я не уверен, что это так. Это некий миф. Миф, на который все больше клюют леваки.

Улавливая, что от нее ожидают отклика, но по-прежнему не до конца уверенная, что понимает, о чем Кеннет толкует, Мэри сказала:

– Леваки... Ты имеешь в виду лейбористов, так?

– Противников тори, да. – Кеннет улыбнулся, но улыбка получилась не снисходительная. В ней было много приятя. – Ты политикой не очень увлекаешься, да? И правда, с чего бы? С чего вообще кому-то ею увлекаться?

– У меня родители за лейбористов, – сказала Мэри, по неким причинам, неизъяснимым для нее самой, гордившаяся этим фактом. – Читают “Дейли миррор” и все такое. А вот семья Джефффри нет. Там пробы ставить не на чем. А у тебя как?

– Сейчас за лейбористов. Но мне не кажется, что человека следует определять по тому, как он голосует раз в несколько лет. Посмотрим, чем все обернется.

– Видимо, тебе как журналисту в любом случае положено быть непредвзятым.

Кеннет рассмеялся.

– Вряд ли это имеет значение – на том уровне, которого я пока достиг. Но широта взглядов – это всегда хорошо, да.

* * *

Стоя на пороге гостиной, Долл обзрела открывавшийся ей вид и убедилась, что, вопреки ужасающему количеству народа, посягнувшего на суверенитет ее дома, положение осталось более-менее управляемым. Благодаря ее тяжкому труду на кухне у всех было что пить и чем угоститься. В этом ей помогла племянница Силвия, прибывшая примерно в полдень вместе с родителями – Гвен и Джимом. Силвии было двадцать девять, и в ней имелось нечто меланхолическое: мужчина, за которого она собиралась замуж, коммивояжер по имени Алекс, помолвленный с ней уже почти пять лет, оказался негодяем, никчемным вралем с целой вереницей невест по всей стране. Правда всплыла всего несколько недель назад, и Силвия погрязла в депрессии, погрузилась в едва ли не полное молчание, во взгляде ее – отстраненная рассеянность и разочарование. Долл смотрела на нее сейчас

– Силвия устроилась в углу гостиной на табуретке из кухни – и понимала, что пусть племянница и вперяется в телевизор, на церемонию она вряд ли обращает внимание.

– Что с ней такое? – спросила Берта у Джулии, потянувшись к ней через Карла, чтобы толкнуть в бок.

Успокаивающие переливы голоса Ричарда Димблби вновь заструились из телевизионного динамика:

“А теперь звучит вступление к великому Генделеву гимну «Садок-священник». На середине гимна Королева готовится к миропомазанию – действию, начавшемуся с воззвания к Духу Святому. Это самая сокровенная часть церемонии, ибо она и есть освящение Королевы. Лишь когда будет миропомазана она, как помазал Соломона Садок, может быть она коронована”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.